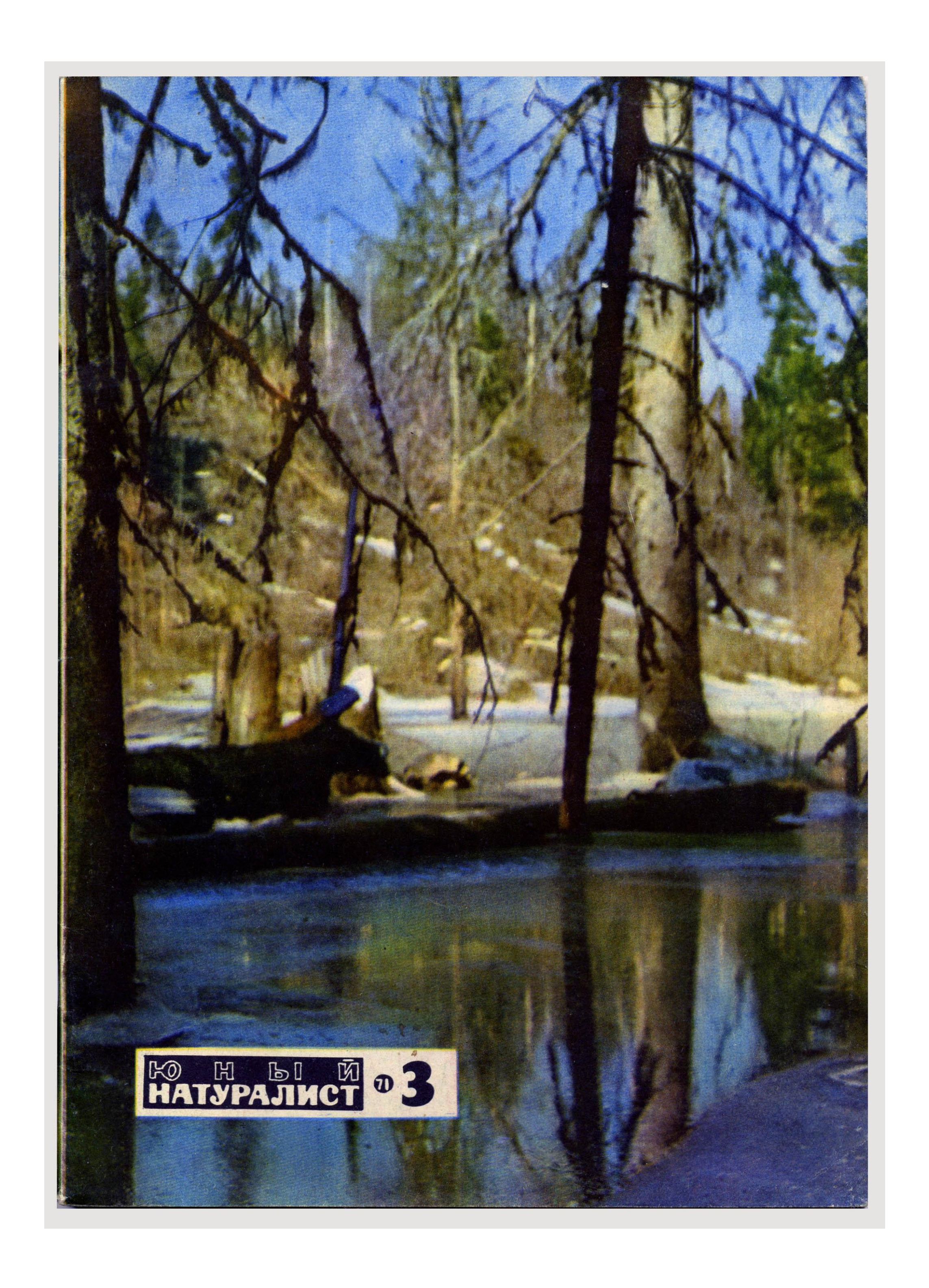
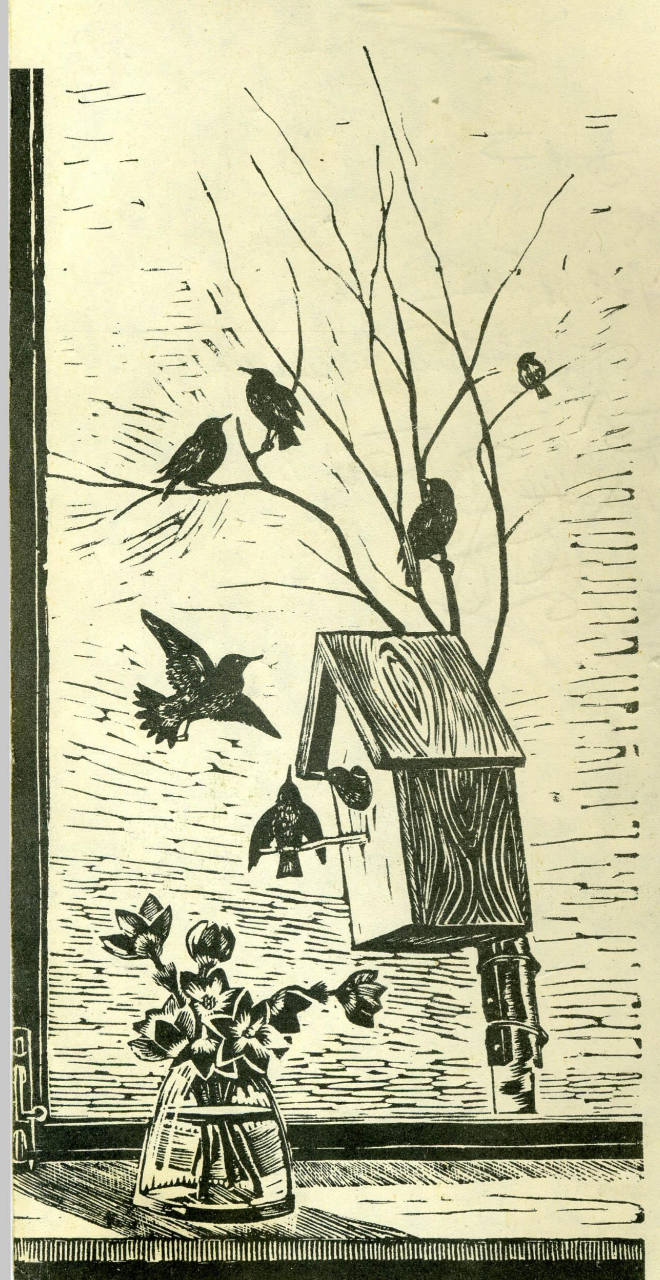

ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
71
3

«СКВОРЦЫ»
Гравюра В. Манзя

XXIV СЪЕЗДУ КПСС

Весенние ветры шумят над нашей страной. Все щедрее становится солнце, все сильнее пригревает оно промороженную землю, все говорливее и радостнее поют вешние воды. А в умытой синеве небес тянутся караваны птиц. Крылатые посланцы весны поют извечную песню жизни, радостный гимн своей земле. Долгой была разлука, и вот почему так желанна встреча. Потому как Родина только одна и роднее земли не сыскать ни в каких заморских далях и теплых краях.

Весна широкой поступью идет по стране. Проснулась земля, пьют ее живительные соки зазеленевшие посевы, в изумруд одеваются бескрайние леса, маслянисто дымятся паром земли необозримые пашни. Выходит пахарь на поля, чтобы творить извечное и благородное — растить хлеб.

Весенние дали чисты и прозрачны. В эти дни хочется оглянуться назад, чтобы полной мерой оценить сделанное, в эти дни так хорошо заглянуть вперед, в манящую даль, в день завтрашний, в день грядущий.

Скоро посланцы великой партии коммунистов соберутся на свой XXIV съезд. Партийные форумы — это всегда выдающиеся события в жизни нашего государства, всего народа. На них подводятся итоги беспримерных трудовых подвигов советских людей, здесь начинаются новые старты, определяются перспективы нашего развития.

Юная смена, красногалстучная пионерия, во всем берет пример со своих старших товарищей, коммунистов. Мы учимся у них любить свою Родину, беззаветно отдавать все свои силы на благо народа, учимся хозяйствовать, по-ленински жить, по-ленински работать. Мы знаем, что XXIV съезд КПСС наметит грандиозные задачи по строительству коммунистического общества.

Советская пионерия всегда шла рядом со старшими, в великом созидании трудовых будней умела находить свое место и своим посильным трудом помогала во всех отраслях народного хозяйства.

Решения XXIV съезда откроют для нас новые дали, помогут разглядеть самые нужные, самые важные задачи. В будущем году пионерской организации исполнится пятьдесят лет. Успешно развертывается пионерский марш «Всегда готов!». Его интересные маршруты увлекли миллионы ребят, пытливых, старательных, непоседливых. В разных уголках нашей страны вершится очень много полезных дел.

Мы знаем, что великая наша Родина горда за свою юную смену. Партия и народ верят нам и доверяют большие дела.

И приветствуя делегатов XXIV съезда КПСС, всех коммунистов, мы хотим еще раз по-пионерски заверить наших старших наставников: юная смена — надежная смена!

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ '71 3

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
имени В. И. Ленина
Журнал основан
в 1928 году

Звонкие колосья

Сережка жил в этом краю уже тринадцать лет. Край был древний, под стать темно-зеленым хвойным лесам, украшавшим его. Под стать неоглядным в синей дымке степям и покойным озерам. Вольготно жилось людям в этом краю. Они пахали землю, растили хлеб, пасли скот, добывали зверье и ловили рыбу. Так уж было заведено на Алтае с давних пор. И Сережка до того памятного осеннего дня полагал, что и ему уготована такая судьба, как его отцу, как его деду и прадеду. Потому что родился он в семье потомственных пахарей, понимающих голос поля. Но потом он прикоснулся к тайне. И в душе его навсегда поселилось желание разгадать эту тайну.

А началось все до обидного просто и нетаинственно. На уроке ботаники в пятом классе.

Тогда вошел в класс учитель биологии Иван Захарович. Вошел, как и все учителя входили. Положил на стол классный журнал, какие-то пакетики, жестом усадил ребят, проверил отсутствующих, а затем заговорил глуховатым голосом... о пшенице.

Тысячу раз видел Сережка пшеницу на полях совхоза. Десятки раз мял в ладонях ее колоски и жевал колючие зернышки. И ничего ему таинственного в ней не представлялось. Ну, пшеница. Ну, убирает ее комбайн, и зерно на грузовиках везут на элеватор. В общем, Сережка знал, как и откуда возникает на столе поджаристый каравай.

Но не все сорта пшеницы удовлетворяют человека и ту землю, которую он пашет. В этом и есть тайна этого растения.

— Взгляните-ка в окно и доложите: что видите? — закончил рассказ учитель.

Все повернулись, и Сережка повернулся. В широком окне сквозь причудливую вязь инея было видно поле. Летом оно веселое, зимой покойное, а сейчас словно одеяло, сшитое из разноцветных лохмотьев. Из-под серебристой пороши проступали рыжие плешины лежащей пшеницы.

— Пшеница гибнет под снегом! — вырвалось у Сережки.

Посмотрел на него Иван Захарович.

— Понятно, что гибнет. А отчего? Кто-то сказал:

— Осень квелая была. Дожди, она и легла. Комбайну не убрать, а тут снег.

— Тоже просто, да не очень.

И рассказал им о трагедии пшеницы, которую посеяли на этом поле. Странное творилось с ним, Сережкой, тогда. Словно до этого слепой ходил.

— Сажали на этом поле сорт «Саратовская-29». Любит этот сорт солнышко, и зерно у него твердое, а вот влаги не переносит. Потому привезли его к нам с полей возле Волги, а там солнца много, бушуют суховеи, там она к месту. А что, если, ребятки, нам взять да и задумать такой сорт, который бы земле нашей годился?

— Да разве мы сможем? — вырвалось у Сергея.

— Попробовать можно, — сказал Иван Захарович, — однако дел здесь не на один год. Нам надо заставить зерно озимой пшеницы приобрести качества яровой, помягчеть... Чтобы она в жару не сохла, а в холод не зябла... Тут терпение и зоркий глаз нужны. За здорово живешь растение еще никому своей тайны не открыло, а тайн таких будет хоть отбавляй.

Иван Захарович Александров поднял вверх целлофановые пакетики.

— В них два сорта пшеницы. А надо сделать один — у каждого взять хорошее и сильное качество. Какое — покажет опыт.

Опыт назывался скучновато: «Метод воспитания и естественного отбора яровых сортов из озимых».

В тот год завернули они по двадцать зерен каждого сорта в мешковину и положили в снег.

— Кто выживет за сорок дней, тот нам и нужен, — пояснил Иван Захарович.

Легли под снег сорта «Мироновская-808» и «Кандиканец-196».

Шла весна на поля, рыхлел снег, к полудню тянулись с крыш стеклянные сосульки, а Сережка и другие ребята из его класса с интересом поглядывали на снежный бугорок, огороженный колышками, внутри которого держали экзамен на мужество семена пшеницы.

9 мая семена, зимовавшие в снегу, посеяли на делянке. Надо было ждать, взойдут или не взойдут. Семена взошли, правда, не все!

Осенью Сережка вместе со всеми занимался «обмолотом» урожая. Молотилка была самая первобытная — ладони.

Живое золото земли. Оно никогда не приносит горя людям.

Семена и впрямь отливали золотым блеском.

На следующий год Сергей уже знал, что они возьмут не два, а четыре сорта пшеницы, и будет она лежать под снегом не 40, а всего 20 дней.

Получили они в тот год 1800 колосков. Но главное было в другом — год стоял привередливый: то сушило солнце, то лили беспрестанные дожди. А пшеница не легла.

Но оказалось — трубить победу было рановато.

Да, они не раз слышали — путь естествоиспытателей не мягкий и не ровный. Все шло так хорошо, они отбирали наиболее стойкие семена, пшеница их не легла под дождями, не сдалась солнцу, казалось, на третий год наконец и отобраны те самые семена, которые нужны их суровой земле. Казалось, в них есть мягкость озимых и твердость яровых пшениц. А вышло все по-другому.

На их делянке вымахнули усатые и полуусатые колосья вперемежку с безостыми. Полезли наружу качества «дедушек», «бабушек», «отцов» и «матерей», и все это на одном кусте. По кусту пшеницы можно было проследить родословную каждого сорта, который они брали на испытание и на отбор.

И опять Иван Захарович вместе со всеми раздумывает, сравнивает зерна.

Наконец решают: отобрать для посева на будущий год семена безостых колосьев.

И удача пришла — пшеница больше не «скалила» зубы.

В последний для Сергея Иванова школьный год спросил его Иван Захарович:

— Однако, Сережа, кем ты себя видишь в жизни?

Он промолчал. Кем он хотел стать? Ученым! Но разве скромно об этом говорить вслух.

И он говорил о другом. О том, что у семян пшеницы тоже есть память, как он полагает. Память генов. И память передается каждому новому поколению. Человеку только надо ухватить, в чем своеобразие этой памяти, и что-то пригасить, а что-то высветить... Одним словом, создать условия для роста памяти семян в определенном направлении.

— Думаю, ты правильно выбрал себе дорогу. Можешь не говорить, я ее знаю. Между прочим, это самая интересная дорога.

Решающей была весна семидесятого года для Черемновской школы. Теперь и совхозные агрономы ждали результатов школьного опыта. Это не шутка получить новый, а главное — необходимый сорт пшеницы. Теперь семена пшеницы высевались не на опытной деляночке величиной с цветочную клумбу. Высевали сеялкой, как обычно высевают позднеспелые сорта пшеницы в хозяйствах.

Весна была холодной, дождливой. А потом ненадолго загоралось жестокое солнце, и вновь восточные ветры приносили дождливую непогодь. К осени на совхозных полях обычные сорта утомленно клонились к земле от непрерывной пелены дождя. А школьная пшеница сопротивлялась. Она ведь прошла нелегкую жизнь и научилась от своих прародителей быть стойкой в жару и выносливой в дождь. А когда выдалась погода и надо было набирать силу, гнать соки земли в зерна, она постаралась.

Сергей сам отвозил зерно на склад, носил мешки из тележки на весы, помогал весовщику ставить на отвес гири, внимательно глядел в его тетрадку. А когда пятнадцать с половиной мешков упокоились в легком сумраке хранилища, спросил кладовщика:

— Сколько вышло нашенской?

— Семьсот восемьдесят килограммов чистого веса, — ответил тот, — маленько до тонны недобрали.

Выходило, что урожайность нового сорта в этот сложный год составила 26 центнеров с гектара. А если год будет хорошим? Сколько же тогда сможет дать их пшеница зерна?

— Судя по кустам, — ответил Иван Захарович, — центнеров сорок дать сможет. Она ж все-таки озимая, пусть и с качествами яровой, следовательно, влагу-то она копит хорошо.

Назвали сорт пшеницы торжественно: «Юбилейная Черемновская школьная».

Сергей сам отвозил семена на сортоиспытания в государственную испытательную станцию. Здесь пшеницу проверят на всхожесть, на урожайность, потом в экспериментальной пекарне испекут из ее муки хлеб, определят сорт муки — и она получит путевку в жизнь. Приобретет их пшеничка не только название, но и государственный стандарт.

И высевая ее на полях Алтая, Сибири, очень мало людей будут знать, как же получилась этакая пшеничка. Мало кто будет знать, что все началось с обычного урока ботаники и двадцати зерен, присланных из разных городов. Мало кто будет знать о мешковине и о снежном бугорке возле школы. Об упорстве ребят, разгадавших тайну звонких колосьев.

В. СТЕРИН

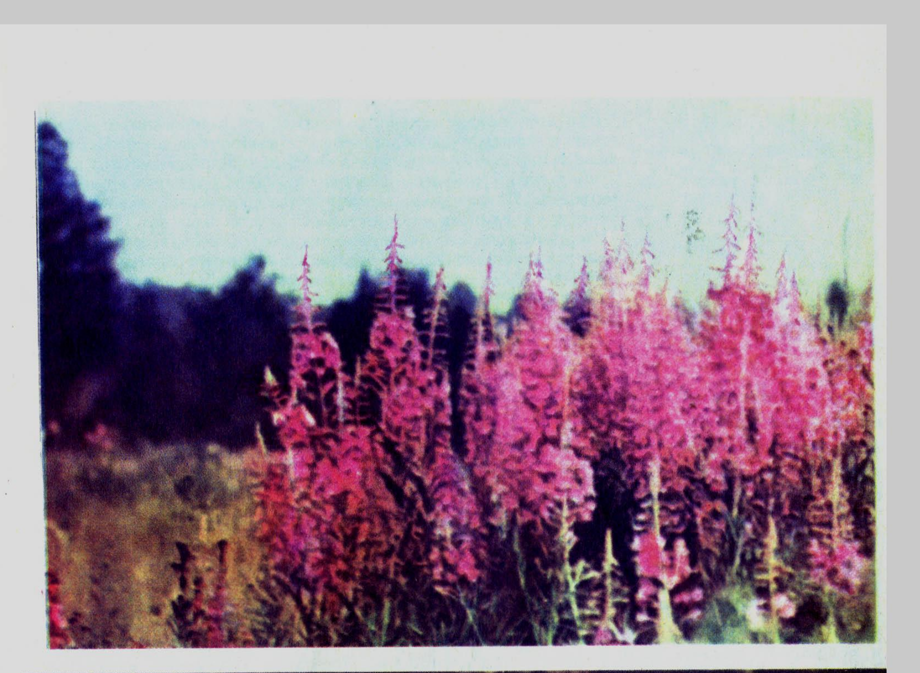

Фото Г. Смирнова, И. Константинова и Р. Воронова

Здесь, на далеком Итурупе, одном из Курильских островов, солнце начинает свой долгий путь по нашей стране. Огромны просторы Родины! Но любой уголок ее дорог нашему сердцу. Будь то суровый, но щедрый край рыбаков и геологов, охотников и оленеводов — Дальний Восток, заповедные земли Аскании-Нова, на которых можно встретить диковинных антилоп гну, или залитые солнцем поляны среднерусских лесов, где буйно цветет иван-чай.

Да, обширна наша Родина! И каждый ее край, далекий или близкий, дорог советским людям.

Вот и пришла нынешняя весна — горячая пора подготовки к новым опытам, к первому выходу на школьные поля. Каким бы полновесным ни был прошлый урожай, будущие планы юннатов всегда обширнее, задумки еще интереснее. Потому что основываются они на достигнутых успехах. А сделано действительно много.

На пришкольных делянках, в зеленых лабораториях садов и питомников, на золотых нивах ученических производственных бригад — всюду шла напряженная работа умелых и любознательных. И все свои дела посвящали юннаты страны XXIV съезду нашей партии.

Около трех миллионов школьников страны проходят земледельческие университеты в ученических производственных бригадах.

●

Юные лесничие Белоруссии не только берегут, но и пополняют родные леса. 1002 гектара новых посадок! Вот результат работы юннатов республики.

●

Шефство над полезащитными лесополосами взяли школьники Казахстана. Для выращивания посадочного материала они заложили питомники общей площадью 125 гектаров.

Щедрое поле

Может быть, эта цифра многих и не удивит, но ребята Слободской школы Белорусской ССР гордятся ею. Сорок пять гектаров! Таковы плантации их ученической производственной бригады.

«Уговор, хозяйничать будете сами!» — только и сказал школьникам председатель колхоза, когда заштриховывал на агрокарте их поле. И школьники доказали, что могут хозяйничать по-деловому, со сметкой и терпением. Тщательно соблюдая все правила передовой агротехники, год из года выращивают они богатые урожаи.

У звена Гали Кривец, например, пять гектаров. Все заняты под картофель. Плантация ухоженная, аккуратная, по-иному не скажешь. Оттого и урожай рекордный — 300 центнеров с гектара. Не всякое взрослое звено достигло такого рубежа.

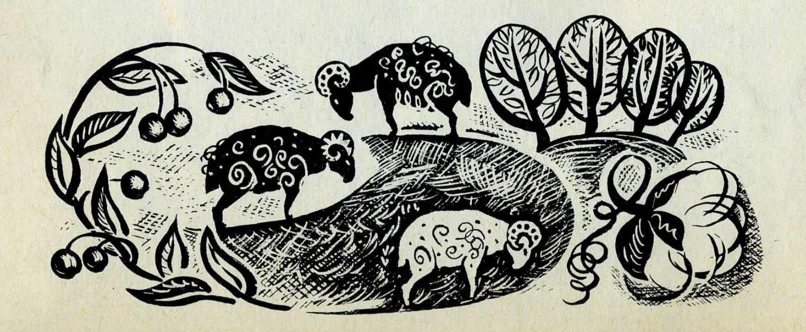
Нет, не подвели председателя слободские школьники. Щедрое у них поле. А все потому, что трудятся ребята добросовестно и хозяйничают умело.

Хозяева земли

На традиционном слете юннатов Костромской области юные земледельцы преподнесли учителям румяный пышный каравай из муки «школьного зерна». Это был символический каравай. А если подсчитать реальный юннатский хлеб, цифра получится огромная.

Посудите сами. 1485 гектаров зерновых — такова золотая юннатская нива. И ребята не отстают от взрослых. С каждого гектара сняли они в прошлом году по 15 центнеров зерна. Для северных костромских земель это, согласитесь, неплохо. Почти сто сорок тысяч пудов хлеба, а еще картофель, лен!

Солидный вклад в общий урожай внесла ученическая производственная бригада Гали Смирновой из Межевской средней школы. Сто три гектара земли обрабатывают юные. В бригаде каждый умеет все. На тракторах и комбайнах работают не только парни, но и девушки. И управляются с машинами они не хуже ребят.

Итоги юннатской работы подвел Всесоюзный слет ученических производственных бригад и школьных лесничеств, состоявшийся недавно в Москве. В своем обращении делегаты слета призвали всех школьников страны готовить себя к творческому труду в народном хозяйстве, превратить школьные участки в опытные поля родных колхозов и совхозов, пополнять зеленый наряд земли.

Слет показал, что прославленным труженикам социалистического сельского хозяйства растет достойная смена.

Сегодня «Наш вестник» рассказывает о делах ученических производственных бригад.

Томаты-новоселы

Четыре года испытывали юные овощеводы Ивановской областной станции юннатов новые сорта помидоров. Внимательно ухаживали за ними, вели наблюдения, делали записи в дневниках.

Прошлая осень была урожайной. Особенно у томатов сорта «Грибовский-1185». Плоды у них яркие, сочные. С каждых десяти кустов собрали ребята по 22 килограмма плодов. Высокий урожай и на делянках сорта «Маяк». Хорошо зарекомендовали себя и такие сорта, как «Ростовский ранний», «Любимец», «Гибрид-50 Молдавский».

Испытанием новых сортов помидоров занимались Валя Садовникова, Лена Белова, Люда Маркова и Галя Баранова. Сейчас сортоиспытания окончены. Юннаты подготавливают рекомендации. В ближайшее время их могут получить не только юные овощеводы Ивановской области, но и члены ученических производственных бригад из других районов страны.

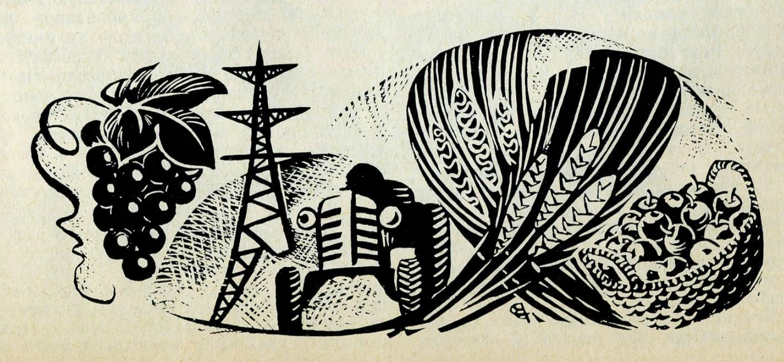
Вместе с аттестатом зрелости 70 тысяч учащихся сельских школ Украины получат права на вождение трактора и комбайна.

●

С каждым годом растут ряды юных друзей зеленого великана. В РСФСР сегодня создано 2600 школьных лесничеств.

●

Каракумский канал одевается в зеленый наряд. Юннаты республики высадили вдоль главной голубой дороги Туркмении 710 тысяч плодовых деревьев.

ОПЕРАЦИЯ „ЧУКОТКА“

ИЛ-18 и оленья упряжка

После коротких или длинных путешествий всегда остаются блокноты, исписанные наспех, и, конечно, сувениры, напоминающие о встречах, о новых друзьях, о неизведанных еще краях.

Среди дорогих сердцу вещиц есть одна, которая много лет будоражила мое воображение. Первый пионерский вожатый Чукотки — Петр Скорик, ныне доктор филологических наук, подарил мне однажды искусно сделанную из моржовой кости оленью упряжку.

Два быстроногих оленя мчат по тундре легкие нарты. На них — каюр в кухлянке и торбасах. Он едет по белому безмолвию. Пусть пурга. Пусть буран. Олени — надежные и верные друзья. Остер глаз каюра. Чутье охотника никогда еще не подводило чукчу. Скоро стойбище! Скоро теплая яранга.

Все это резчик выразил в своей работе. Но для меня оленья упряжка из моржового клыка, сделанная умелой рукой мастера еще в 20-е годы, оставалась мертвой: я никогда не был на Чукотке.

— В 1928 году мы, молодые учителя, добирались из Хабаровска до Уэлена... два месяца. И на пароходе, и на вельботах, и на собачьих упряжках, и пешком... Два месяца... Два долгих месяца.

Петр Яковлевич говорил задумчиво, что-то вспоминая из тех трудных лет.

— Сейчас дело другое — сел в ИЛ-18, позавтракал в Москве, а к ужину можно успеть в Анадырь. Лёту-то каких-то четырнадцать часов.

Я вспомнил этот разговор, когда бортпроводница объявила:

— Экипаж самолета ИЛ-18 выполняет рейс Аэрофлота по маршруту Москва — Анадырь. Рейс будет проходить на высоте восемь тысяч метров. Время полета четырнадцать часов.

ИЛ-18 сделал прощальный круг над Москвой. Внизу промелькнули огни университета. В эту минуту трудно было представить, что быстрокрылый ИЛ совершит бросок через Крайний Север и через 14 часов мы будем на Чукотке — почти за четырнадцать тысяч километров от Москвы.

Пожилой мужчина — бывалый полярник, мой сосед, пристегнув ремни, проворчал себе под нос:

— Все это чепуха. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. С Севером шутки плохи. Завьюжит, запуржит — и будем куковать где-нибудь... В Тикси, к примеру.

Он тут же закрыл глаза, всем своим видом показывая полное безразличие к происходящему.

— Может быть, на оленьей упряжке быстрее?.. — попытался возразить я своему соседу-скептику.

— Иногда быстрее, особенно в тундре, — пробурчал он и... сладко уснул.

Ровно гудели моторы. Мы летели навстречу солнцу, навстречу времени. Внизу сплошной мрак. И только едва заметная белая полоска на самом горизонте предвещала далекий рассвет.

И вот посадка в Тикси, у самого Ледовитого океана. В Москве было минус 8, здесь минус 40 градусов. Да еще ветерок с океана.

Прошло всего-навсего несколько часов, и сразу же мы попали в другой мир. Полярная ночь. Пурга. Люди в унтах, теплых шапках. И говорят как-то по-особому — коротко, быстро. Разговор об одном — о погоде, о вылетах самолетов, о грузах, которых где-то ждут, о Большой земле, куда попадут нескоро. Летчики, моряки, геологи, работники метеослужбы — всех волнует погода. Все ждут летной. А эта летная погода возьми да исчезни. Сильный ветер, снегопад.

— Что я вам говорил, — безразлично сказал мой сосед, — теперь загорать будем. Может, день, а может, и неделю... Пойдемте лучше пить чай...

Но мы полетели на следующее утро. Пурга утихла так же неожиданно, как и возникла. Короткий световой день открыл перед нами картину необычайную: белое покрывало, плотное, утрамбованное ветром, раскинулось на десяток километров. Рядом Ледовитый океан с торосами и... вмерзшими в лед судами. Морозно. На белом снегу оранжевые птицы. Это самолеты полярной авиации. Наш ИЛ-18, покрытый изморозью, напоминал человека, промерзшего до костей. Все уселись в кресла, не снимая ушанок и рукавиц. Полетели...

И как назло мой сосед заговорил снова:

— Все это цветочки, ягодки впереди.

«А вдруг он прав?» — подумал я, глядя в иллюминатор. Действительно, с Севером шутки плохи. И как бы ни совершенна была современная техника, стихия бывает неподвластна воле и разуму человека. Сколько отважных людей, вступивших в схватку с морозом, снегом, бу-

Рис. В. Прокофьева

раном, погибло, недооценивая коварства северной природы. И все же человек освоил Север. Воздвиг города, прииски. Строит атомную электростанцию. Природу тоже можно обуздать. Но умело.

Я проснулся от бодрого голоса стюардессы: «Граждане пассажиры, пристегните привязные ремни, наш самолет идет на посадку...»

Сосед мой чему-то улыбался. А я посмотрел на него торжествующе — что, мол, все же долетели до Анадыря.

— Температура в Черском двадцать градусов, — донеслись до моего слуха последние слова девушки в элегантном аэрофлотском костюме.

— Как в Черском? — удивился я. — Мы же давно должны быть на Чукотке!

Мой сосед оказался прав. ИЛ-18, пролетев над Чукоткой, где бушевал ураган, поднялся к мысу Шмидта, а потом взял курс на Колыму, в поселок Черский. Погода резко изменилась, и все аэродромы, в том числе и в Анадыре, снова были закрыты.

Только на третий день ИЛ-18 приземлился в Анадыре. Когда под ногами захрустел плотный снег, я поверил, что мы прилетели на Чукотку. Мой сосед на прощание крепко пожал руку, хлопнул меня по плечу и еще раз напомнил:

— ИЛ-18 — хорошо, оленья упряжка в тундре — лучше...

И все же мы долетели. И не через два месяца, как добирались раньше, не через 14 часов, как обещал Аэрофлот, а через три дня.

Наш ИЛ-18 готовился в обратный рейс. Интересно, когда он будет в Москве? Через 14 часов? Или Север сделает свои поправки к графику полета?

Рассказывает... город

От аэродрома до Анадыря километров пятьдесят. Узкая темная полоска асфальта тянется через сопки. Кое-где шоссе начинает заметать поземкой. Наш шофер, широкоплечий парень в теплых рукавицах, повернувшись к нам, весело проговорил:

— Повезло вам... Только ваш самолет и приняли. Гляньте — и все поймете.

«Газик» выскочил к лиману. Там, на другой стороне, мерцали огоньки. Там Анадырь. Но проскочить к нему дело не из легких. Лиман занесло, да так, что даже бульдозеры еле-еле расчистили узкую полоску дороги. Мы ехали словно в туннеле. Справа снег. Слева снег. И только вверху темное небо с редкими звездами. Тысячи тонн снега обрушились на лиман, на город, на все вокруг.

— Стихия! — рассмеялся шофер, ловко орудуя баранкой.

И вдруг совершенно неожиданно «газик» вынырнул из снежного плена на широкую городскую улицу, освещенную электрическими огнями. Каменные дома, поставленные на вечную мерзлоту, всем своим видом подчеркивали, что им не страшны ни мороз, ни ветры, ни темная полярная ночь. И уж совсем странными казались телефоны-автоматы, стоявшие по углам улицы, а рядом с ними собачья упряжка охотника или оленевода, приехавшего в город по своим делам. Все перемешалось: век XX и давно минувшие годы. Тот же шофер вдруг с гордостью заметил:

— А сегодня у нас день рождения!

Мы переглянулись: почему?

— Да, сразу у всех жителей Анадыря. Город-то наш молодой, ему сегодня стукнуло... пять лет. Маленький, но все же юбилей.

В эту минуту мне захотелось пройти по городу и поговорить с ним. Город не человек, но он может рассказать многое, если внимательно смотреть вокруг, если листать его каменные и деревянные страницы книги-летописи, начало которой уходит в век семнадцатый.

...На самом восточном мысе Чукотского полуострова стоит памятник-маяк. Его огни видны издалека. Он показывает путь кораблям. Это памятник первопроходцу,

отважному моряку и исследователю Семену Дежневу. Двенадцать лет провел Дежнев на Чукотке, изучая географию и историю этого края. Тихий океан встретил дежневцев ураганным штормом. Один коч (лодка) разбился о скалы, другой унесло к далеким берегам Камчатки, а коч самого Дежнева вынесло на берег южнее устья реки Анадырь. Почти десять недель казаки шли пешком по неизведанной земле. Вот тут, совсем недалеко от нового города, совершал свой поход Семен Дежнев. «...И шли мы все в гору, — писал он, — сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы... и попали на Анадырь реку». Так в XVII веке на реке Анадырь возник Анадырский острог. Отсюда и пошло освоение Чукотки. И нет такого человека на Севере, который бы не знал имени отважного морехода Семена Дежнева. Город помнит о нем. Город будет хранить это имя в веках.

Вместе с архитектором Михе Антонио мы шли среди наметенных сугробов прямо к лиману. Я знал, что город расскажет еще немало историй, среди которых одна легендарная. Этой истории пятьдесят лет. Полвека прошло с той минуты, когда на реке Казачке прогремели предательские выстрелы. 50 лет... Рос поселок, стал городом, ушли в тундру бетонные дороги, небо, хмурое чукотское небо, пронзила стрела телевизионной башни. Вырос порт, куда приходят теплоходы со всего Приморья. Появились аэродром и сверхзвуковые самолеты. Но люди до сих пор помнят те выстрелы на реке Казачке, которые оборвали жизнь первых ревкомовцев Чукотки, установивших в этих краях Советскую власть. 50 дней жил ревком Чукотки. 50 с лишним лет люди хранят о них память. Над крутым берегом лимана стоит гордый памятник. На граните выбиты имена. Первым стоит имя Михаила Мандрикова — председателя ревкома, балтийского матроса, участника революционных событий. Вторым — имя Августа Берзиня, большевика, солдата революции. Контрреволюционеры и коммерсанты схватили первых ревкомовцев и прямо на льду расстреляли их.

В комнатах краеведческого музея тишина. Под стеклом личные вещи первых ревкомовцев — свитер, сохранившийся в земле пятьдесят лет, карандаш, трубка. Прислушайтесь, и вы услышите голос Михаила Мандрикова, призывающего местное население идти за Советской властью. Прислушайтесь к этому громкому голосу! А вот выстрелы! Нет, не те, что оборвали жизнь ревкомовцев в 1919 году. Это салют на могиле в честь их бессмертия.

По городу можно бродить часами. Вот по этим же улицам ходил черноглазый мальчуган по имени Юра, по фамилии Рытхэу. А потом, через много лет, мир узнал первого чукотского писателя Юрия Рытхэу. Поэты, писатели, знаменитые оленеводы и врачи, кандидаты наук начинали свой путь в большой мир науки и искусства здесь, на улицах этого молодого города.

Короток полярный день. На Чукотке все имеет свое особое название. Люди, приехавшие из Москвы, — люди с материка. День не просто день, а световой отрезок времени. Так вот, за этот световой отрезок времени архитекторы, исходившие город вдоль и поперек, наконец-то выбрали место, хорошо видное с лимана.

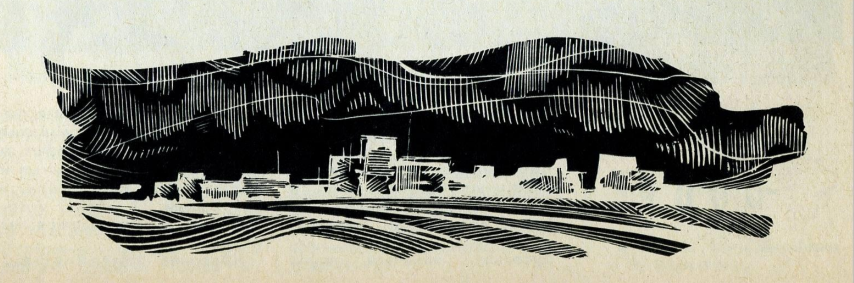
— Вот здесь и будем строить, — сказал Эдуард Путинцев, опытный полярный архитектор.

— Хорошее место, — подтвердил Михе Антонио.

Вдали виднелись холодные сопки. Над ними рыжело небо, словно где-то вдали пылал огромный костер и подсвечивал горизонт. Я представил себе, что вот здесь, на берегу лимана, в Анадыре будет стоять Чукотский Дворец пионеров — мечта ребят нашей страны, символ дружбы пионеров всех союзных республик, ударное трудовое дело Всесоюзного марша «Всегда готов!».

(Продолжение в следующем номере)

С. ФУРИН

Красочны пейзажи Колхиды! Здесь, в некогда болотистом краю, где небо обрушивает на землю сплошные потоки дождя, а солнечные дни редки, теперь все чаще увидишь ухоженные плантации цитрусовых, зеленые овалы чайных кустов и ровные посадки джута. Из волокна этого растения делают и крепкие морские канаты, и прочные грубые мешки, и тот самый брезент, которым иногда укрываемся мы от дождя.

Красочна земля Колхиды!

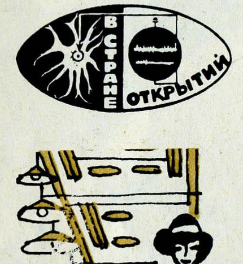

Плодородной стала она благодаря самоотверженному труду советских людей.

По другую сторону Кавказского хребта, у Каспийского моря, раскинулось настоящее птичье царство. Особенно шумно здесь ранней весной, когда тысячные стаи птиц заповедного Кызыл-Агача собираются на север. Только величественные фламинго стараются сохранять спокойствие. А как же иначе? Недаром же считают их самыми красивыми обитателями заповедника!

Фото И. Константинова и Р. Воронова

ЛЮБОМУ ОВОЩУ — ЛЮБОЕ ВРЕМЯ

«Каждому овощу — свое время», — говорит пословица. Так оно и есть. Ведь на поверхности земли мы не можем устроить ровную погоду круглый год. А жаль. Вот бы среди зимы развести огороды. Среди зимы зеленые поля. А если поля и огороды укрыть под землей? Там климат окажется целиком во власти человека.

Представьте, в недрах земли пробиты многоярусные тоннели, громадные залы, расширены и укреплены заброшенные шахты и рудники. В них не бывает ни засухи, ни наводнений. Здесь всегда постоянная температура, постоянная влажность. Обогревает подземные угодья внутреннее тепло Земли. А Солнце заменили сильные лампы — неоновые, люминесцентные и лампы накаливания. А может быть, и какие-то новые, которые к тому времени изобретут.

Присматривать за погодой на подземных угодьях поручат электронным вычислительным машинам. А те, удлиняя или укорачивая день, регулируя интенсивность освещения, его спектральный состав, помогут получать урожай с нужным содержанием белков и углеводов.

Укрыть поля и огороды под землей предлагает кандидат биологических наук И. Шульгин. Проект Шульгина сегодня выглядит не таким уж фантастическим, если вспомнить о достижениях гидропоники, аэропоники и светокультуры. Например, томаты в искусственных условиях созревали значительно быстрее, чем на обычных грядках. При этом урожаи бывали в два-три раза больше. Редис благодаря только интенсивному освещению созревал через 10—15 дней, а в обычных условиях он созревает через месяц. Следует сказать, что в ряде стран специалисты сельского хозяйства начали разбивать поля и огороды в заброшенных шахтах.

САМ ДЕСЯТЬ

Над небольшим участком кукурузного поля натянули металлическую сетку. Не так уж много солнечного тепла, света, воздуха забирала она у растений. Какие-то крохи... Но «закованная» в железо кукуруза чахла. В пять раз отставала от соседей в росте. Ячмень не лучше переносил металлическую крышу.

А вот на редис это никак не повлияло: он рос не хуже контрольных растений, а иногда даже и лучше. А лук развивался так, будто над ним ничего не было.

Ученые института физиологии растений имени К. А. Тимирязева З. Журбицкий и И. Шидловская, проводившие опыты, отчасти предвидели, что так и будет. Металлическая сетка меняла электрическое поле вблизи растений и тем самым влияла на их рост. Это было известно. Новые опыты должны были выявить все детали электрического взаимодействия между атмосферой и растениями.

Как известно, атмосфера в нормальных условиях всегда заряжена положительно, земля — отрицательно. Растения, конечно, также несут отрицательный заряд. В силу вступает всем известный закон физики — о взаимном притяжении противоположных электрических зарядов. Электрическое поле атмосферы заставляет анионы (у них отрицательный заряд) подниматься вверх. А движению катионов оно, наоборот, препятствует.

Эксперименты подтвердили это: в верхней части подопытных растений, например помидоров, всегда оказывалось больше анионов.

Не поэтому ли чахли кукуруза и ячмень — высокие антеннообразные, как говорят ученые, растения? Они привыкли развиваться в атмосфере, насыщенной электричеством. А сетка уничтожила электрическое поле: она была заземлена.

Редис и лук привыкли обходиться малыми дозами электричества, поскольку у самой земли его всегда немного. Натянутая над ними сетка практически не меняла условий, к которым они привыкли.

Ученые пробовали создавать для растений искусственный электроклимат. Когда на сетку подавали положительный заряд до 200 в, овес поглощал анионов фосфора на 44 процента больше, чем обычно. Если же подавали отрицательный заряд — на 24 процента меньше обычного. Пшеница под действием положительного заряда поглощала из раствора поваренной соли больше хлора, при замене знака заряда — больше калия.

Ученые считают, что атмосферное электричество влияет на формирование растений с того самого момента, как только они появились на Земле. Антеннообразные растения более чутки к влиянию электрического поля, кроме того, с таких растений заряды стекают интенсивнее.

То же неравенство наблюдается и в лесу: хвоя более активно взаимодействует с электричеством атмосферы, чем листья.

Электричество влияет также на фотосинтез и дыхание растений — это, пожалуй, главное, что удалось выяснить ученым. Ведь еще и сегодня не ясно, как могут растения усваивать так много углекислоты из атмосферы. По мнению З. Журбицкого и И. Шидловской, это можно объяснить электрическим взаимодействием.

Растения, как уже говорилось, в нормальных условиях заряжены отрицательно, ионы углекислоты имеют положительный заряд. Они взаимодействуют. Свои выводы ученые подтвердили экспериментами.

Через стеклянный колпак, в котором находился питательный раствор с растениями, пропускали воздух. И в то же время с помощью платинового электрода на растения подавали заряд. Если он был отрицательным, фотосинтез протекал нормально. При положительном — прекращался. То есть углекислота поглощается растениями благодаря электрическому взаимодействию их с атмосферой.

Теперь можно объяснить, почему у высокогорных растений повышен фотосинтез — с высотой электрический заряд возрастает, почему перед грозой фотосинтез прекращается — растения уклоняются от необычного для них режима.

Можно объяснить изменения фотосинтеза в течение суток. Утром и во второй половине дня он выше всего. Именно так меняется электрическое поле атмосферы. Подтверждений, одним словом, много.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

МАРТ

Застучала за окошком звонкая капель, потеплел воздух, потемнел и осел снег. Умчались зимние дни, только легкий морозец все никак не соберется побежать вслед за зимой, еще пытается по утрам напугать весну. В лесу пролегли от деревьев длинные весенние тени, а около стволов поднимает кое-где из-под снега робкие стрелы зеленая трава.

Все дышит весной, вот-вот скоро выбросят первые цветки-сережки деревья, прилетят грачи, поплывут по реке первые льдины. А пока еще лесной народ оставляет на снегу свои автографы.

Но не долог уж век зимы. Скоро, скоро шальные весенние ручьи наполнят голубой лес звонким переливистым журчанием.

На небольшом островке посреди озера каждую зиму живет зайчиха. Она приходит сюда по первому льду и уходит обратно в лес перед половодьем.

В начале зимы, когда озеро только-только укрывалось тонким зеленоватым ледком и на этот ледок ложились редкие крупинки сухого снега, я всегда находил дорожку зайчихи, которая переселилась на остров.

Дорожка эта начиналась в лесу, где была летняя заячья квартира, потом, чуть примяв желтые сухие стебли болотной травы на берегу озера, тянулась по льду к острову.

На острове зайчиха быстро обжилась. И если вскоре выпадало много снега, я всегда находил старые и новые заячьи следы.

Одни вели к стогам сена, которые стояли на острове, — здесь зайчиха рыла в стогах небольшие ямки, разыскивала лакомые сухие стебельки и с аппетитом уплетала их. Другие тянулись по зарослям осинника, где хозяйка острова грызла осиновую кору и молодые осиновые веточки. Были у зайчихи и тайные пути, что вели в обход через заросли кустарников, мимо прошлогодней травы и каменистых холмиков к большому угластому камню либо к стволу давно упавшей осины. Но иногда ей почему-то не нравились ни камень, ни ствол дерева — и тогда она отправлялась на отдых к небольшому пеньку, что торчал посреди острова из сугроба.

Хотя дорога на отдых и шла всегда окольными путями, но зайчиха никогда не петляла, никогда не делала разных вздвоек и сметок, которыми обычно зайцы стараются запутать след к своей спальне.

К середине зимы зайчиха полностью обжила остров и время от времени начала заглядывать обратно в лес, где жили другие зайцы и куда скоро она снова собиралась переселиться. Но до этого зайчиха принесла на острове зайчат.

На острове оставалось уже мало корма — сено давно увезли, молоденькие веточки осины зайчиха успела погрызть, — и теперь я каждый день приносил своей заочной знакомой по охапке душистого сухого клевера.

Клевер зайчихе нравился, и каждый день посещала она мою столовую, каждый день оставляла около охапки клевера свои следы, я тщательно следил за ними и однажды заметил, что зайчиха проложила новые дорожки.

Теперь она чаще обегала весь остров, заглядывала в такие места, которые ее раньше не интересовали. Я пошел по новой заячьей дорожке и вдруг под кустом рядом с клочком прошлогодней травы прямо на снегу заметил маленького пушистого зверька.

Наверное, на острове были и еще зайчата. Но я не стал больше ходить по заячьим следам, не стал больше беспокоить зайчиху, а только каждый день по-прежнему приносил на остров свежие охапки душистого сена.

Ни сам островок, ни его жители никогда не страдали от половодья, но все равно каждую весну, еще до полой воды, зайчиха почему-то покидала свою зимнюю квартиру и уходила в лес, оставляя на острове своих зайчат.

Когда вода сходила, я навещал остров, тихо подплывал к нему на лодке и в вечерних сумерках иногда видел подросших зайчат-настовиков.

Еще насылает зима метели, и холода веют, а солнце уж о весне хлопочет. День поравнялся с ночью. Ярчайшие лучи ослепительно озаряют высокий небосвод, подле дорог зачернелись снега, скоро осядут покровы полей и перелесков. И сколь метелице ни разгуливать, а впереди с гор потоки.

Все выше и ярче солнце. В полдень оно уже поднимается на высоту в 30 градусов. Общая продолжительность солнечного сияния за месяц в среднерусской полосе превышает 130 часов. День с ночью меряется, равняется. 21 марта на всей Земле день равен ночи: в северном полушарии наступает весеннее равноденствие, в южном — осеннее. У нас эта дата считается астрономическим началом весны.

Март по фенологии — предвесенье. Еще может закрутить белыми хвостами поземка, еще временами морозцы скуют сырость. Но чертоги зимы не вечны, уже притаяла, осела дорожка к ним. Влажный ветер снег пригнетает. Вода на речках просасывает лед, проступая наружу.

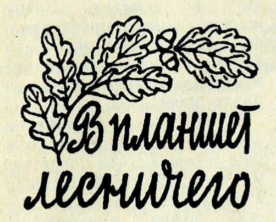
Несмотря на отзимки — снегопады и подмораживания, весна обыкновенно принимается дружно. В полдень проворные ручейки клокочут вдоль чернеющих дорог, подтачивая шершавые сугробы. По утрам схваченный морозцами наст покрывается шипами-заусенцами, по-народному шипешью. Живая вода-снежница скоро побежит во всю мочь. Недаром «весна — зажги снега, заиграй овражки».

Часы живой природы пробили: пора. Весело застрекотали сороки, запели весенние скрипочки — овсянки. Еще только что задымились, опроставшись от снега, проталинки, а уж грачи тут как тут. О своем прилете они оповещают округу неумолчным граем, суетясь на верхушках облюбованных деревьев. Когда-то днем-грачевником называли 17 марта. Но, строго говоря, «грачей пригоняет» тепло. Ведь они летят к нам с той же скоростью, с какою продвигается фронт весны: 50 километров в сутки. Почти одновременно с грачами пожаловали скворцы. В дороге скворцы наслушались трелей других птиц, вот и пересмешничают с чужого голоса. Уж в таком занятии у них соперников нет.

На исходе марта можно услышать первую песню полевого жаворонка. Журчит, переливается, сверлит высь неба так, что у слушателя сердце зайдется от радости, а попробуй разыскать солиста. Прищуришь глаза против солнца — нет, не видать живого колокольца, словно растворился в лазури.

Среди ивняков и тальников издалека заметны посеребренные верхушечные почки верб. Если весна примется дружно, то к концу марта можно наблюдать, как пылит цветущий орешник.

А что в реках! Удильщики уже приметили, что рыба сейчас больше ловится у берегов. Особенно в местах, куда сбегают ключики талой воды. Это и не мудрено, там речная вода более насыщена кислородом, чем в глухом, притененном месте, где еще владычествует зима.

Перед тем как начать постройку здания, архитекторы составляют проект. Лесоводы, перед тем как посадить новый лес или парк, также должны составить проект. Но между такими проектами большая разница.

Построили дом. И он уже не меняется, остается таким же до конца. А посаженный лес все время меняется. Пройдет десять лет, деревья вырастут, сомкнутся вершинами, станут мешать друг другу. Пройдет еще несколько лет, и опять все изменится. Выходит, что, составляя проект нового леса или парка, лесоводы должны предвидеть, как будут вести себя все посаженные растения через десять, двадцать и пятьдесят лет, должны хорошо знать все особенности каждой породы. Иначе в новом лесу скоро может наступить настоящий хаос, и придется брать топор, чтобы навести порядок.

Если вы собираетесь весной сажать деревья и кустарники, непременно нужно составить проект. Март для этого самое подходящее время. Предположим, что мы решили устроить сквер на одном из городских пустырей. Конечно, получив согласие районного архитектора. Нам потребуется чертеж участка в таком масштабе, чтобы удобно было проектировать, обычно это 1 : 100.

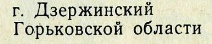
Легко сделать измерения участка и нанести его на план, если он квадратный или прямоугольный. Но границы его могут быть и ломаными. Как же быть? Впишите в ваш участок прямоугольник. На сторонах прямоугольника можно будет построить перпендикуляры и с их помощью нанести на план все изгибы граничных линий.

С помощью перпендикуляров и рулетки или мерной ленты можно нанести на чертеж и все предметы, которые имеются на нашем участке, например дерево или постройку.

Но вот чертеж готов, можно приступать к проектированию, наметить, где посадить деревья и кустарники, где пройдут дорожки и тропинки, где будут полянки.

И тут надо знать, как правильно размещать различные породы деревьев. Иначе можно понаделать ошибок. Если поместить сосну рядом с березой, то очень скоро они начнут спорить, потому что оба дерева светолюбивы и оба быстро растут. А если с южной стороны от шиповника посадить боярышник, шиповник будет плохо цвести, потому что боярышник в росте перегонит его и закроет солнце. Чтобы не наделать ошибок, полезно посоветоваться с архитектором и с опытным лесоводом.

Наконец все готово: чертеж в масштабе 1 : 100, проект сквера, сделан и подсчет нужного посадочного материала. Теперь осталось дождаться весны, когда растает снег, и нанести проект на местность, забить колышки в тех местах, где должны быть деревья, кустарники, живые изгороди, дорожки. Дело это кропотливое, зато как легко и удобно будет работать!

Зимой мы с папой возвращались от бабушки домой. У невысокого забора, на сугробе, увидели голубя. Он пытался взлететь, но не мог. Я взяла его домой. У него был поранен бочок. По дороге я прикрыла его шарфом, чтобы голубь согрелся. Дома я его держала до тех пор, пока он не стал летать. Потом я выпустила его. Но через несколько дней после этого он снова прилетел к нам и клевал пшеницу, которую я насыпала на подоконник.

Лена МАНУЕВА

г. Дзержинский
Горьковской области

Как-то мы играли на улице. Рядом была дорога. По ней ездили машины. И вдруг из одной машины выбросили раненого аиста. У аиста было переломано крыло, и рана уже начала гноиться. Кто они, жестокие люди, которые бросили на дороге раненую птицу, я не знаю. Мы подобрали аиста и принесли его домой. И тут же все вместе отправились на поиски лягушек.

Лягушек мы наловили много, но аист их есть не стал.

Аиста мы назвали Филькой. Ночевал он в курятнике рядом с курами. На следующий день мама купила Фильке мелкой рыбы, и он с удовольствием ее съел.

Днем Филька гулял в огороде. А вечером, когда начинало темнеть, его приходилось звать домой. Крикнешь: «Филька, Филька», — и он пулей несется к тебе.

Так Филька у нас и жил до осени. Он стал совсем ручным. Крыло у него зажило. На огороде, когда мы убирали овощи, Филька ходил следом за нами.

Вскоре похолодало, и в сарае Филька мерз. Тогда мы отвезли его в зоопарк.

Прошла зима, и мы снова увидели Фильку в зоопарке. Мы позвали его: «Филька, Филька». Но Филька почему-то не отозвался.

Киев

Костя КУДРЯЧЕНКО

Ох, как здорово было сегодня идти в лес по звонкому морозному насту! Правда, на таком насте почти не остается следов, но сегодня я шел охотиться за необычными весенними голосами. И конечно, сразу же за деревней услышал воркование — чуфыканье тетеревов-петухов. Я внимательно послушал их весенние песни и, стараясь не тревожить токующих косачей, незаметно пробрался через кусты и углубился в лес. И тут же донеслось до меня воркование.

Сначала я подумал, что это тоже воркует тетерев. Но воркование было совсем короткое, а следом за ним кто-то громко заухал, будто хотел напугать меня. Может быть, это филин? Но филин обычно ухает только по ночам. Так кто же это?

Я спрятался за ствол сосны и стал наблюдать. Высоко над деревьями я заметил птицу размером с галку. Она высоко поднялась вверх, а потом начала быстро падать к вершине ели и снова громко заухала. Перед самой вершиной елки птица круто взмыла вверх, снова ринулась вниз, и снова я услышал ее необычный голос: ух-ху-хух.

Я долго старался подойти поближе к елке и узнать: кто же это так необычно кричит в весеннем лесу? Но ничего из моей затеи не вышло. Я приглашаю вас, юные следопыты, помочь разгадать загадку весеннего леса.

После этой таинственной встречи я подошел к краю мохового болота, и вдруг мороз побежал по коже — на болоте среди кривых сосенок и березок кто-то громко захохотал. Я притаился за маленькой березкой. Прошло совсем немного времени, и опять раздался громкий и странный хохот.

Немного погодя я выглянул из-за сосенок, но никого не заметил. Потом шагнул вперед, остановился, шагнул еще раз — и тут почти из-под моих ног взметнулась вверх большая белая птица.

Я не успел разглядеть, что это за птица, как она уже скрылась за березками и сосенками. Я подошел к тому месту, откуда взлетела птица, внимательно осмотрел наст и, конечно, не отыскал на насте никаких следов. Только собирался я пойти дальше, как увидел на снегу небольшое белое перышко с черным кончиком, будто это перышко взяли да макнули чуть-чуть в черную краску. Я снова припомнил голос неизвестной птицы, вспомнил, что она была величиной с небольшую курицу, убрал подальше найденное перо и заторопился домой. Как только я точно узнаю, кто же хохотал на моховом болоте весенним утром, так сразу же сообщу вам. А может, кто-нибудь из вас, юные следопыты, догадался, что это была за птица? Напишите в «Лесную газету».

СЛЕДОПЫТ

Сорока на хвосте принесла?

Первыми к нам, конечно, прилетели грачи. Уже в середине марта я все чаще наведывалась к старым высоким ветлам, на которых всегда собираются колонии грачей. Сюда-то, на старые гнезда, и должны прежде всего явиться грачи. Здесь-то я и ждала каждый день своих давнишних знакомых, чтобы первой приветствовать их. Но я опоздала. Да, да, опоздала.

Шло время, каждый день по-прежнему заглядывала я к старым грачиным гнездам, подолгу сидела на вершинах старых ветел, а грачей все не было и не было. И вот однажды маленький растрепанный воробей, который всю зиму вертелся около кормушки во дворе школы, принес мне преудивительнейшую новость: «Грачи прилетели! Третий день уже живут они во дворе школы, завтракают, обедают и ужинают на кормушке, которую устроили ребята».

Конечно, я не поверила воробью и решила, что маленький плутишка меня обманывает, — не могли же грачи прилететь так незаметно, не показаться около своих гнезд. И тут же я полетела узнать, правду или неправду рассказал воробей? И что же вы думаете? Во дворе школы на большой кормушке, куда ребята каждый день приносят кусочки хлеба, сидели самые настоящие грачи. Их было очень много. Это были перелетные грачи, и они, словно обычные воробьи, ели все, что им приносили ребята.

От удивления я не могла произнести ни слова. Я только растерянно потрясла хвостом и задумалась: «Как же так? Почему грачи не прилетели сразу к своим родным гнездам? Почему они явились тихо и незаметно, да еще преспокойно днюют и ночуют около птичьей столовой? И могло ли такое быть вообще? Дорогие мои друзья, помогите мне разобраться во всех этих интересных вопросах. А может быть, весной вы и сами видели такое, что не поверили своим глазам?»

Итак, встретить грачей я опоздала, а потому очень внимательно стала ждать следующих весенних гостей — скворцов. Теперь я хорошо знала, что птицы не всегда прилетают прямо к своим гнездам, а потому каждый день заглядывала не только к скворечникам, но и на скотный двор, куда скворцы очень любили прилетать летом. И скворцов я, конечно, встретила. Они прилетели рано утром и сразу же направились на скотный двор, чтобы подкрепиться после долгого полета разными червячками и личинками насекомых. Я поздравила скворцов с прибытием домой и вдруг услышала скрип телеги. Да, да, самый настоящий скрип телеги, у которой забыли смазать колеса. Откуда вдруг сейчас, когда еще кругом лежит снег, взялась телега? Я оглянулась и, конечно, никакой телеги нигде не увидела... И тут меня поразил еще один странный звук — откуда-то сверху несколько раз крякнула утка. Я еще раз внимательно посмотрела вокруг и увидела на крыше дома скворца. Я хотела спросить, не знает ли он, откуда взялись сейчас скрип телеги и кряканье утки, но скворец приоткрыл клюв и пропел свою весеннюю песенку.

Это была очень странная песенка. Скворец немного пощелкал клювом, а потом проскрипел телегой и покрякал уткой. «Вот это да! — подумала я, услышав странную песенку скворца. — Вот это артист». Тогда я полетела к другим скворцам и каких только удивительных весенних песенок не услышала... Но запомнить все песни скворцов я не смогла. А потому я очень прошу вас, мои дорогие друзья, понаблюдайте весной за скворцами, послушайте их песенки и напишите мне: какие песни поют скворцы, что живут в ваших скворечниках? Жду ваших писем.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ ПРИНЯТ

Ленивая океанская волна медленно покачивает наше маленькое суденышко. Я сижу в радиорубке и кручу тумблер настройки, а в наушниках море звуков, радист с лесовоза «Пидьма» хриплым голосом сообщает, что к вечеру выйдет на траверз Архангельска, из далекой северной Атлантики докладывают Мурманску о выполнении плана добычи сельди, Дудинка радирует смотрителю маяка, что у него родилась дочь. Чуть тронешь тумблер — и уже новые голоса несут ко мне радиоволны. Эфир просто наполнен человеческой речью. Понемножку голоса людей смолкают, и водворяется тишина. Я смотрю на часы: без четверти двенадцать. Минутная стрелка вошла в красный сектор. Именно в это время ежечасно в эфире наступает короткая тишина.

Три минуты радисты на всем океане чутко прислушиваются к примолкшему эфиру, крутят тумблеры настройки. В это время можно передать только сигнал бедствия — SOS — «Спасите наши души». По этому сигналу выходят в море спасательные суда, вылетают самолеты, корабли меняют свой курс. В наши дни назрела острая необходимость организовать спасательную службу и для животных. Главным штабом, который руководит спасательными работами, стал МСОП — Международный союз охраны природы и природных ресурсов. Он был создан около 20 лет назад на заседании в Фонтенебло (Франция). 68 стран вошли в МСОП, в том числе и Советский Союз. Ученые выявили бедствующих зверей и разработали меры для их спасения. Они завели особую Красную книгу (красный цвет — сигнал тревоги). Есть уже два тома — млекопитающие и птицы, — куда занесены животные, которые нуждаются в помощи человека. Из них 16 видов зверей и 8 видов птиц обитают у нас. В их числе белый медведь, амурский тигр, гепард, снежный барс, закавказский леопард, кулан, благородный олень, джейран, черный журавль, красноногий ибис, желтоклювая цапля. На очереди создание томов, охватывающих пресмыкающихся, земноводных, рыб и беспозвоночных, а там придет черед и для составления описи редких растений.

Какая опасность нависла над дикими животными? Почему нужно их спасать?

Человек все больше осваивает землю, приспосабливая ее для своих нужд. Он вырубает леса, распахивает целинные степи, осушает топкие болота, обводняет унылые пустыни, реки перегораживает громадами плотин. Планета преображается, молодеет, становится еще прекраснее, еще удобнее для жизни. Но это благоустройство подчас не по нраву ее четвероногим и пернатым обитателям. За последние 100—150 лет в связи с хозяйственной деятельностью человека, а также из-за бесконтрольного истребления зверей и птиц, только по неполным подсчетам, полностью истреблено свыше 100 видов животных. И 600 находится в опасности. Среди них много крупных, сильных зверей.

Может быть, положение безнадежно и дикие животные обречены? Так думать нельзя. Там, где хорошо организована охрана, четвероногие и пернатые обитатели чувствуют себя отлично.

До Октябрьской революции на территории европейской части нашей страны был почти полностью истреблен лось. У молодого Советского государства не было средств для организации специальных работ по восстановлению численности рогатых красавцев. Пришлось ограничиться лишь строгой охраной. И что же? Там, где некогда лось полностью исчез, теперь это обычное животное. Под Ленинградом лоси настолько привыкли к людям, что по ночам выходят на обочины дорог, не обращая внимания на проходящие мимо машины. Животные бродят у самых пригородов огромного города, иногда забредают в городские парки. Раз в год на лосей разрешается охотиться. Но отстреливают строго определенное количество зверей, поэтому их численность не уменьшается, а в магазины поступают сотни килограммов лосиного мяса.

А антилопа-сайга? К началу настоящего века это ценное животное было почти истреблено. В 1920 году Советское правительство издало закон об охране сайги. Постепенно животных становилось все больше. Теперь не редкость встретить стада животных, превышающие тысячу голов!

Весной в Калмыкии можно за день увидеть 2—3 тысячи крохотных детенышей, еще не способных быстро и долго бегать. Ученые считают, что в настоящее время в нашей стране живет около 2 миллионов сайгаков, и это несмотря на то, что охота на них возобновлена.

Для чего понадобилась Международная организация охраны природы? Разве каждая страна не в состоянии самостоятельно охранять собственных животных и птиц? Нет, многие страны справиться с этой задачей не могут. А некоторых зверей можно спасти только сообща.

Каково положение белого медведя? Настоящий дом полярного мишки — дрейфующие льды Ледовитого океана. Лишь когда медведица ожидает медвежат, она делает берлогу на берегу какого-нибудь пустынного острова, затерянного в просторах океана. Сейчас у белых медведей любовью пользуется остров Врангеля, который они превратили прямо-таки в свои медвежьи ясли. Остров Врангеля объявлен заповедником. Есть медвежий заповедник у Норвегии — Земля короля Карла и у Канады — в Гудзоновой бухте.

Могут ли эти три заповедника обеспечить охрану белого медведя? Как только малыши окрепнут, медведицы покидают землю и странствуют среди вечных льдов. А дрейфующий лед может привезти зверей к берегам Аляски или Гренландии, где пока еще нет заповедников. Только совместными усилиями пяти приокеанских стран можно наладить охрану белых медведей. Два года назад был организован Международный комитет по спасению белого медведя. Ученые начали тщательно изучать жизнь медведей. Прежде всего они их пометили, чтобы узнать, какие берега полюбились медведям и как далеко они путешествуют по Ледовитому океану.

100—150 лет назад в Сибири был широко распространен белый гусь. Сейчас единственная гнездовая колония гусей на нашей территории сохранилась на острове Врангеля. Недавно ученые решили выяснить, где зимуют гуси и каким путем туда добираются.

Окольцевать нелетных птенцов оказалось делом несложным. А когда наступила осень и гуси улетели, в Москву, в бюро кольцевания, стали поступать кольца. 12 процентов вернули американские охотники. Вот, оказывается, какое количество гусей заканчивает свой жизненный путь, так сказать, на сковородках. Ясно, что без участия американцев нельзя увеличить численность гусей.

Иногда животных так много, что охранять их, кажется, нет никакой надобности. Это неверно. Возьмите американского странствующего голубя. Когда-то громадные стаи этих птиц поражали воображение европейцев.

Еще сто лет назад не редкость было встретить стаю, насчитывающую свыше двух миллиардов птиц! И что же? Потребовалось всего 50 лет, чтобы полностью истребить странствующего голубя. Птиц ели, ими кормили свиней, удобряли поля. Странствующий голубь не дожил до нашего столетия. О его охране никто не помышлял. Спохватились лишь после того, как птицы не стало. В 1909 году была объявлена огромная премия тому, кто смог бы указать (не поймать, а только

Большой куду живет в Аскании-Нова. Недавно у пары этих красивых винторогих антилоп появился малыш.

указать!) гнездо или самих странствующих голубей. За премией никто не явился. 1 сентября 1914 года в зоопарке американского города Цинциннати умерла последняя птица.

Особенно трагична судьба тех животных, на добыче которых могут нажиться промышленники. Поводы для этого могут быть самые разные. Черного азиатского носорога почти полностью истребили только потому, что из его рога изготовляют снадобье, которое очень ценится восточной медициной.

В 1911 году на острове Комодо были открыты огромные ящеры — вараны. Не успели ученые серьезно познакомиться с новым животным, как над ним нависла страшная опасность. Индонезия издавна была главным поставщиком крокодилов,

В половодье, когда зверькам Астраханского заповедника порой грозит гибель, на помощь им приходит человек.

Исполин полярных льдов белый медведь и бесстрашный уссурийский тигр занесены в Красную книгу: человек охраняет их.

кожа которых шла на изготовление портфелей, сумочек, туфель. Так как крокодилы к этому времени были сильно истреблены, да и охота на них трудна, промышленники мечтали разбогатеть за счет более легкой добычи — варанов. К счастью, кожа комодоских драконов оказалась непригодной для выделки.

Американский журавль — перелетная птица. Лето он проводит на севере Канады, где кормится по берегам мелководных прудов и речушек, а на зиму улетает в Южный Техас и Луизиану. Последние полтора десятка лет жизнь журавлей проходит под постоянным наблюдением человека. Даже во время перелета, который журавли совершают весной и осенью, стаю каждый раз сопровождает а воздухе специальный самолет, с земли за их полетом следят радарные установки. Что же дала эта строжайшая, пожалуй, самая продуманная и скрупулезная охрана, которую когда-либо создавал человек для спасения диких животных? Теперь стадо журавлей выросло до 38 птиц. За последние 11 лет старики вывели 61 птенца, но из них удалось сохранить всего 11. По одному птенцу в год! Это значит, что если рост птиц будет и дальше идти такими же медленными темпами, то до ста птиц стая вырастет примерно через 100 лет.

(Продолжение см. на стр. 34)

Есть в Казахстане река Тургай. Течет она среди песков и незаметно пропадает в них. Издавна слывет Тургай главной магистралью всевозможной дичи. Весной нескончаемые караваны птиц пролетают здесь на север.

И все же главные хозяева прибрежных зарослей — сайгаки. Со всей пустыни Бетпак-Дала собираются они сюда для выведения потомства. Эти быстроногие антилопы взяты у нас под охрану. Чтобы лучше учитывать их количество, весной выезжают на Тургай ученые и охотоведы. Они метят животных, прикрепляя к уху молодого сайгачонка алюминиевую бирку с номером. А чтобы хищники не потревожили стада, каждый день вылетает на патрулирование вертолет.

Забота о сохранности и умножении ценных животных приносит свои плоды. Теперь сайгаков так много, что можно вести их промышленный отстрел.

Фото Д. Носова

Листая БРЕМА

ОДИНЕЦ — ОБИТАТЕЛЬ ЛЕСА

Он крепко стоял на мускулистых ногах, готовых в любое мгновение устремить тело-таран на врага. Он был клыкаст и содержал клыки в постоянной боевой готовности.

Впрочем, в тот день он был настроен

миролюбиво. С утра сильно припекало, и он нежился в своей личной купальне — лесном бочажке, наполненном жидким торфянистым месивом. Хорошая купальня, настоящая ванна, в ней так приятно подремать, а потом, вылезши, потереться боками о стволы сосен. При этом похрюкать и покряхтеть: ведь он был пожилым зверем — лет девяти от роду.

Ближе к вечеру кабан отправился на жировку, отправился раньше обычного: хотелось успеть до наступления темноты перекопать один участок на опушке, где, как он чуял, готово было лакомство — дождевые черви. Сильная влажность воздуха, предвестница грозы, подсказала ему, что черви копошатся у поверхности и работы будет немного. Ветра совсем не чувствовалось, и поэтому никакого смысла не было искать подветренную сторону, чтобы приблизиться к нужному месту. Кабан бежал напрямик и, лишь оказавшись на опушке, разглядел медведя.

Медведь ел подсвинка, павшего от неизвестной болезни дней пять назад. Сороки сидели на березе поодаль и с понятным вниманием следили, как исчезали в мохнатой пасти куски мяса. Они заметили кабана до неприличия поздно, и тем нелепей и неожиданней раздался их предупреждающий тарарам. В нем они выразили испуг, досаду, которую до этого хранили про себя, и главное — радость от представившейся возможности угодить хозяину.

Медведь зарычал, поднимаясь на задние лапы, а затем сделал вид, что хочет броситься на кабана. Но тот стоял перед ним и не отступал (он именно тут собирался рыть своих червей). Его желтеющие клыки мелко-мелко дрожали — угрожающий жест, показывающий, что он их точит о другие клыки, небольшие, которые растут из верхней челюсти. Медведь вяло двинулся в атаку. Вместо того чтобы прямо броситься на врага, забирал все левей и левей.

Как только медведь обогнул кабана, секач двинулся с места. Он тоже затрусил влево, пробежал мимо падали и, сделав крюк, ступил на след медведя. Оба зверя оказались бегущими по кругу, и было неясно, кто кого преследует.

Поглядев немного на эту карусель, сороки сделали правильный вывод и ринулись вниз на беспризорную добычу. Они клевали с торопливостью и в мгновение ока перессорились так, что полетели перья. Медведь не вынес такого безобразия и сошел с круга.

Кабан преисполнился гордости. Как-никак это ведь была победа. И он углубился в лес по тропе, неоднократно им хоженной.

На толстой ветке дуба вот уже двенадцать часов не слезая лежала, распластавшись, рысь. Кабану она была знакома. Их встреча произошла уже давно, когда он еще бегал в полосатом наряде. Помнится, копались они под таким же дубом всем семейством, как вдруг мать испуганно захрюкала. Поросята с визгом бросились врассыпную и в мгновение ока затаились кто в кустах, кто в зарослях папоротника. Полосатая окраска делала их незаметными. Но один из малышей не успел спрятаться и тут же оказался в когтях у рыси. И все это происходило в каком-нибудь метре от нашего героя. Он не мог стронуться с места, не смел даже дышать.

Теперь рысь постарела, поседела. Голод мучил ее весь день, и она была готова броситься на первого, кто покажется на тропе.

Ничего не подозревая, кабан трусил по тропе. Ветра не было, и запах неподвижного хищника струился поверху — секач не мог его учуять. Вот он уже под деревом...

Рысь напряглась. На мгновение ее ослепило солнце. Горящими глазами смотрела она вслед секачу — стопятидесятикилограммовому зверю — и еще плотнее прижималась к ветке. Кончик ее короткого хвоста вздрагивал. Но рысь не прыгнула, не ушла с дерева. Знала, бестия, что кабан на жировку отправился, что возвращаться он будет по той же самой дороге. И, насытившись, станет не таким осторожным.

Секач вышел на обширное кукурузное поле. Морща пятачок, он долго и тщательно принюхивался. Ветерок принес запах далекой деревни, слишком слабый, чтобы его опасаться. А больше всего пахло кукурузой — вот тут рядом. Кабан ринулся, хмелея от ее запаха. Высокие стебли поднялись, он нащупал рылом упакованный в зелень початок и уже ничего не слышал, и не видел, а ел, ел, беспрерывно вертя хвостом. В эту минуту волки, человек — кто угодно! — могли подойти к нему чуть не вплотную. К счастью, никто не появился на отдаленном краю поля, и кабан, наевшись, принялся рыть — земля была мягкая.

...Он возвращался, когда задержавшаяся гроза уже уронила первые капли. Рысь они заставили чуть встряхнуться — и только.

Дождь уже шумел, и кабан не слышал прыжка. Он ощутил беду, когда его тела коснулись когти. Кабан помчался что есть силы, но цепкому наезднику это было нипочем. Рысь тянулась к его голове.

Борьба была бы решена, если бы кабан продолжал бежать по тропе: рано или поздно хищница добралась бы до его головы. Но он свернул и с силой снаряда нырнул под поваленное дерево. Раздался глухой удар: рысь была оглушена.

Нельзя сказать, что после этой встречи характер нашего героя улучшился. Раны на спине сделали его раздражительным, он уже не соизмерял силы, бросаясь в отчаянную драку. Однако вид его был настолько страшен, что все, кого он принимал за соперников, удирали, не оглядываясь.

И все же «грязевые ванны» сделали свое дело. Раны постепенно заживали. Новая теплая шерсть почти их скрыла. А в сентябре секач почувствовал, что на боках под кожей у него появляется броня. Это были роговые затвердения, калкан — действительная броня, которой природа защищает бока самцов от глубоких ран. Одевшись в этакие рыцарские доспехи, секач понял, что он здоров и силен.

Пришел ноябрь.

Несколько дней кабан носился по следам гурта. Старые самки, будто почуяв недоброе, удирали в панике, стоило ему только приблизиться. Он все-таки загнал их на кочковатую поляну, и вот уже неделю все они тут изнемогают от бремени его власти.

Молчаливый лес таит испуганных поросят — до них ему сейчас нет дела, — но, быть может, тишина скрывает соперника?

Это произошло на второй день. Соперник, обратив в бегство ни в чем не повинного поросенка, появился на поляне. Силы были равны — самое трагическое совпадение, какое только может случиться в жизни кабанов. Оба устрашающе точили клыки, у обоих взвились щетинистые гребни на спинах, самцы приготовились к атаке.

Им потребовалось несколько мгновений на сближение. Первый удар. Результат — ничья. Два конических рыла не сошлись на какие-нибудь сантиметры, и два тела веером разлетелись в стороны. Будто два бешено вращающихся наждака соприкоснулись круглыми боками, но не искры — шерсть и кровь брызнули.

Теперь все зависело от того, кто первым придет в себя после столкновения и первым ринется на неподготовленного соперника. И опять оба были равны: описав одинаковые круги, они снова лоб в лоб бросились в атаку. На этот раз чужак изловчился и нанес клыком рану своему сопернику.

Рана была неглубокая — выручил калкан. Наш секач, почувствовав боль, сделал фантастическое усилие, чтобы не упасть. И в результате оказался в выгодной позиции. В следующее мгновение соперник отступил.

...Одинцу открывается многое. Он не кормится там, где стадо, ему скучно делить одного червяка на двоих и унизительно рыскать в поисках одного желудя в тех местах, где уже десятки раз искали другие. Сильные ноги несут его на необозримые просторы. Он знает, где кончается лес, куда течет река, кто живет в горах, он помнит запах охотника.

Но без стада он жить не может. Во время тяжелых переходов, раня ноги, он пробивает для него путь в снегу, схваченном коркой гололеда. И никому не уступит место направляющего. Он — пикетчик. Бродя вокруг стада, первым замечает опасность. И тревожным уханьем предупреждает о ней.

В тот год зима не торопилась овладеть лесом. Выпал снег, но, не пролежав и недели, стаял под натиском теплых ветров. Нетнет и солнце проглядывало — обманчивое солнце декабря, вводившее кабанов в заблуждение: пора было искать место для зимовки.

Одинец не любил вмешиваться в жизнь гурта — лишь изредка он оказывался в суетливой компании маток и молодежи. Однако бывать от него поблизости и держаться в курсе всех его дел стало для него привычкой.

Видя, как небрежничает свинья, укладывая семейную овальной формы лежку листьями и ветками, кабан приходил в неистовство и мчался строить свою лежку. Подстилка у него получалась вдвое толще. Вот как надо делать, учил он. Но отдаленность от учеников сводила на нет его педагогические старания!

Или еще. Как надо заходить на лежку? Сделать полукруг и лечь головой к входному следу. Ведь по следам идет враг, и его учуешь раньше, если пятачок будет направлен навстречу. А свинья ломится напрямую и сразу плюхается — ох, устала! Одинокий учитель не раз и не два ляжет и, вновь поднявшись, сделает свой магический полукруг. Движения его четки, лаконичны, но ведь не видит никто.

Вот и теперь. Пора отправляться, длинная предстоит дорога, а гурт благоденствует на скудных желудях, только жир теряет, летом накопленный. Одинец пробовал начинать путешествие, но, пройдя несколько километров, возвращался — они не трогались с места.

Широкие круги, которые он делал вокруг жировки, натолкнули его на охотников. Он остановился как вкопанный, услышав за деревьями человеческую речь; его большие уши напряглись, поворачиваясь в сторону страшных звуков. Люди «тропили» — так называется вид охоты, когда охотники, не имея собак, сами идут по следу зверя.

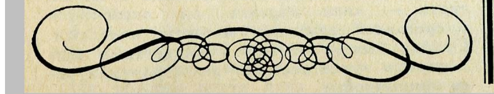
Одинец, с треском продираясь сквозь кусты, понесся в сторону, противоположную тому месту, где жировало стадо. Однако охотники, то ли разгадав его отвлекающий маневр, то ли наткнувшись на следы стада и потому решив оставить в покое опасного зверя, крадучись шли в направлении безрассудных свиней.

Кабан вернулся и пересек охотникам дорогу. Те, оставив без внимания свежий след, продолжали путь.

Тогда одинец сделал еще попытку — отчаянную. Он выбежал на поляну, и охотники его увидели. Он уже хотел броситься вслед за всполошившимся наконец от его встревоженного уханья стадом, но грянул выстрел. Кабан повернулся к своему врагу. Его гребень ощетинился, клыки торчали, как занесенные для атаки ятаганы.

Охотник, сделав отчаянное усилие, отпрянул в сторону. Это спасло ему жизнь. Кабан пролетел мимо, обдав его упругостью разорванного воздуха.

О. КУЗНЕЦОВ

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ ПРИНЯТ

(Начало см. на стр. 22)

Так что же делать? Может быть, на спасение животных не имеет смысла затрачивать усилия? Отнюдь нет. Примеры с лосем и сайгой показывают, что дикие животные могут быть спасены. Правда, охранять крупных животных значительно легче, чем мелких. У зубра, носорога или слона, кроме человека, практически нет врагов. За всю историю Приокско-Террасного заповедника, где было выращено немало зубров, не было ни одного случая браконьерства.

Другое дело охрана мелких животных, у которых много врагов. Даже специально учрежденный для них заповедник может не помочь. Собакам, кошкам, крысам не объяснишь, что в этом заповеднике живут редкие животные.

Как ни печально, в настоящее время еще нет условий для оказания надлежащей помощи всем терпящим бедствие животным. Известный биолог и писатель Джеральд Даррелл предлагает как временную меру помещать вымирающих животных в зоопарки и в неволе добиться их размножения, чтобы потом вернуть их в те места, где они некогда обитали. Этот способ уже дал эффект. Олень Давида в природе был полностью истреблен. К 1944 году он сохранился только в английском парке Вобурн. Оказалось, что олень в неволе отлично размножается. Выращенных в Англии животных распространили по зоопаркам Европы и Америки, а потом отправили и на родину в Пекин, где вновь существует полувольное стадо редких оленей.

В Советском Союзе разводится много исчезнувших или терпящих бедствие животных: самые крупные звери нашей страны — зубры, антилопы, олени. В заповеднике Аскания-Нова от пятнадцати антилоп нильгау получен приплод около 300 юных нильгау, семь антилоп гну дали более 200 телят, а антилопы канны — 400 малышей. Еще сильнее размножился благородный олень. В самой Аскании сохраняется стадо в 100 оленей, а из выпущенных на остров Бирючий в Азовском море 19 животных выросло стадо в 800 голов.

Работа с дикими животными трудна, полна неожиданностей, но всегда интересна. Как захватывающий приключенческий роман читается история спасения такахе — замечательнейшей птицы Новой Зеландии.

Аборигены этих островов — маори — хорошо знали крупных, величиной с индейку, ярко окрашенных больценогих птиц, живущих высоко в горах. Когда с наступлением зимы склоны гор покрывались снегом и такахе спускались кормиться в долины, маори устраивали на них массовые охоты. Птиц становилось все меньше, и наконец такахе исчезли еще до заселения Новой Зеландии европейцами. Ученые познакомились с этой птицей главным образом по костям и считали ее давно вымершей. Но вот неожиданно в середине XIX века зверобои поймали на острове Резольюшен двух такахе и... обеих съели. Еще две птицы были пойманы в горах близ озера Те Анау. После этого о такахе не поступало никаких известий. Но несмотря на это 50 лет спустя зоолог Д. Орбелл решил отправиться на поиски давно исчезнувших птиц. Первая экспедиция не дала никаких результатов. Лишь во время второго путешествия в горы ученому посчастливилось — он нашел маленькую колонию такахе в 35—50 птиц. Чтобы сохранить их, правительство Новой Зеландии объявило район озера Те Анау государственным заповедником. На его территорию допускаются только биологи, и то лишь по специальному разрешению правительства. Но и этого ученым показалось мало, ведь всегда могло произойти что-то непредвиденное. Тогда на горе Брюса решили организовать питомник такахе. Но как это сделать? Чтобы добраться до колонии птиц, нужно было долго карабкаться по крутым склонам гор. Вряд ли удалось бы по такой дороге доставить живыми нежных пугливых птиц. Ни взрослые такахе, ни тем более птенцы не выдержали бы путешествия в рюкзаке. Ученому пришла в голову блестящая мысль: вынести с гор яйца такахе. На первый взгляд это казалось еще неосуществимее, ведь яйца необходимо все время согревать. Но доктора Орбелла и это не остановило. Яйца в дороге будет насиживать будущая приемная мать — курица, решил он.

Никому раньше не были известны случаи, чтобы куры насиживали яйца в походном рюкзаке. Ученый решил научить этому несушек. Для испытания отобрали два десятка самых спокойных кур. Их посадили на яйца в картонные коробки, и тренировка началась: коробки трясли, толкали, роняли, возили на машинах по ухабистым дорогам, в поездах, катерах и самолетах. Только три курицы выдержали испытания. Из них выбрали одну — чемпиона по выносливости и спокойствию. Представьте, курица не растерялась даже после того, как коробка свалилась с машины, да к тому же еще и перевернулась. Как ни в чем не бывало она стала снова насиживать яйца. С помощью этой курицы на гору Брюса были доставлены яйца такахе. Курицу несли на руках, везли на катере, машине, самолете и снова на машине. Из привезенных таким способом яиц она вывела двух птенцов, послуживших началом для разведения ручных такахе.

Знать, беречь, множить

Такие успехи радуют всех любителей природы. Кончились времена бессмысленно жестокого истребления животных.

Охрана животных, конечно, не означает, что мы совершенно отказываемся от использования диких зверей, от охоты на них. Правильно организованная охота может дать государству большую пользу. Горы, пустыни, тундры непригодны для сельского хозяйства и животноводства, но там отлично чувствуют себя дикие звери. А необозримые просторы сибирских лесов! Здесь может жить гораздо больше лосей и оленей, чем обитает сейчас. В африканских саваннах скот чувствует себя не так хорошо, как дикие животные: буйволы, антилопы, зебры. Ученые считают, что там перспективнее вольное разведение диких животных, чем выпас скота. В СССР лось, сайга, косуля и кабан дают в год 20 тысяч тонн мяса. Ученые подсчитали, что лосей и кабанов может быть в три раза больше, горных козлов и косуль — в десять, а джейранов — даже в двадцать. Кроме того, можно значительно увеличить количество водоплавающей дичи, тетеревов и фазанов, и тогда охота даст в десять раз больше вкусного мяса, чем мы получаем сейчас.

Так можно ли спасти диких животных? Очень трудно, иногда дорого, очень трудоемко, но можно и, главное, нужно. Нельзя, чтобы и дальше наша планета несла невозвратимые потери. Наконец у человечества нашлось время для трехминутного молчания. Сигнал бедствия принят, он зафиксирован в Красной книге. Все любители природы должны принять участие в спасении диких животных, тогда на Земле больше не будет потерь.

Б. СЕРГЕЕВ,
доктор биологических наук

— Низкий поклон мой примите, ребятушки. В гости к вам я первой пришла. В сказках народных, мудрых нарекли меня Василисой Премудрой. И нынче я вам сказки принесла. Вот послушайте.

В некотором царстве, в некотором лесном государстве жил-был Дуб. И был он такой старый, что уж и вспомнить не мог, сколько лет простоял в лесу. Наступила осень, стали подрастать крепенькие желуди — Дубовы сыновья. Как уж Дуб их холил: и поил-то их вдосталь, и кормил, и на старых своих ветках раскачивал, веселил. А пуще всех Желудочка — младшего сыночка. Пришел час расставаться, оторвался Желудочек от ветки, вниз покатился, к земле припал, листочком укрылся и задремал. Разбудили его голоса звонкие да веселые. Выглянул Желудок из-под листочка, тут его и подхватили проворные руки и в лукошко опустили. А там уж видимо-невидимо желудей. «Что же это будет с нами?» — шепчут. А было вот что: те же руки ласковые опустили желудочки в землю. Темно в земле, тепло, уютно. Уснул Желудок крепко, а когда проснулся, зажмурился. Солнце светило, а вокруг из травы выглядывали молодые дубочки. Они резными листочками-ладошками размахивали да слова приговаривали: «Глядите, глядите, ребята идут». А те порешили: «Пора нашим дубкам в дорогу». Бережно вырыли их и понесли на пустырь... Много лет прошло с тех пор, теперь на месте пустыря поднялась дубравушка, а молодой Желудок-дубок вырос и стал могучим да сильным. А по стволу старого Дуба легли морщинки, в которых притаились злые жуки-короеды. К нему все чаще стал наведываться Дятел. Значит, Дуб совсем постарел. Но не огорчается он — сыновья-то на смену ему выросли. Хорошие да пригожие.

Что, хороша сказка? Да не я ее придумала. Сказку прислала мне из Ленинграда Марина Соловьева.

Многое множество получили мы сказок. И уж до чего вы, ребятушки, выдумщики! Люда Пекки из города Мелекеса в сказке сказывает, почему не сыщешь муравья ленивого; у Георгия Королькова из города Виляны сказка про то, отчего лиственница в воде тонет. Володя Ракитский из города Фастова и мой-то портрет нарисовал, и сказку в подарок прислал.

«Коль была б ты моей гостьей, — молвит Варя Швецова из города Неи, — то повелела б я тебя в нашу осень». И до того, видать, любит она край свой родной, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

За подарки, за доброту вашу примите поклон мой нижайший. А я вам еще сказки принесла. И они тоже не мной, ребятами придуманы.

Вот одна из них — Вали Журовой из Латвии. Называется она...

Сказка о Злом человеке

Пришел он в лес однажды, взял топор и без жалости стал рубить деревья. Опустили они ветви и уныло смотрели на Злого человека. А тот еще быстрее стал рубить. Тогда лес рассердился и ушел от человека. Только тот его и видел. А Злой человек, ни о чем не думая, пошел домой. На другой год посеял он картошку, пшеницу и горох. Взошли растения, зацвели. Человек радуется, ждет урожая. Но не тут-то было. Наступила засуха, растения опустили стебли, словно подрубленные, и упали на землю. Затужил Злой человек, загоревал, и вспомнил он о речке, которая текла неподалеку. «Не беда, — думает, — полью свое поле, и снова оживут и пшеница и горох». Но подошел человек к речке, а вместо нее увидел дно сухое. «Солнце высушило речку», — прошелестели сухие травы. Пуще прежнего затужил Злой человек, но ничего не поделаешь. Понял, какую беду натворил, и пошел просить у леса прощенья, стал уговаривать, чтобы вернулся лес на прежнее место. Лес простил Злого человека, но назад не вернулся. Дал он человеку несколько семян и сказал: «Весной посадишь». Обрадовался Злой человек, поклонился лесу и, радостный, отправился домой.

На следующий год посадил семена и стал ждать, когда лес вырастет. Легко срубить дерево, а дождаться, пока оно вырастет, ой как долго.

— Поди, каждый подумал: что это Василиса Премудрая сказки про злых людей выбрала? Ан не зря. Ребята вы сметливые, да и помните, что «сказка ложь, да в ней намек...». Так вот, друзья мои верные, лесов, зверей защитники надежные, хочу не сказку, а быль от вас услышать. Быль про то, как помешали вы Злому человеку: дерево ли защитили, рыбешку ли на мелководье спасли, ценным зверькам не дали погибнуть иль целое поле сберегли. Кто где дерево посадил, а может, целую рощу. Яблоню вырастил или сад заложил.

Глядите: вот и снова у меня в руках волшебный цветик-семицветик. Он уже о пяти лепестках. Сейчас еще один оборву: лети, лети, лепесток... алый. С ним и посылайте сообщения: что сделали, какой след на земле оставили в честь красного праздника своего пионерского. За сообщения с этим лепестком будут награды особые, юбилейные.

А теперь прощайте.

Рис. Е. Позднева

— Погодите, умоляю вас, погодите. Я доктор Айболит и, простите, не мог без боли слушать сказку о Злом человеке. И меня утешили письма ребят, которые не остаются равнодушными, когда приходится сталкиваться с подобными поступками.

Вот что пишет Лена Аулова из Курской области.

Зачем вы это делаете?

Если я вижу в лесу малышей, которые хотят испортить дерево, взять яйца из гнезда птицы или разбросать муравейник, то я никогда не кричу: «Бессовестные, как вам не стыдно!» Просто спокойно спрашиваю: «Зачем вы это делаете?» А потом начинаю рассказывать, какую пользу приносят муравьи, птицы, деревья. Они слушают

внимательно, а иногда даже задают вопросы.

На реке у нас бедствие терпят лягушки. Их уничтожают безжалостно. Я который год подряд борюсь с этим, но в одиночку трудно.

— А теперь послушайте, что расскажет нам Таня Герасимова из Москвы.

Ворон Яшка

Я возвращалась из школы и вдруг заметила ворону. Она прыгала по земле и никак не могла взлететь. Я поймала ее и отнесла домой. У Яшки было сломано крыло. Прошло десять дней. Яшка стал поправляться. Я стала учить его говорить. Это было нелегко. Сначала Яшка начал говорить самые простые слова, а через месяц он сидел у меня на плече и кричал: «Мама, мама пришла!» Я решила не мучить вольную птицу. Крыло у Яшки зажило. Стала выпускать его во двор, но каждый вечер он возвращался и кричал: «Червей, червей!» А потом стала появляться другая ворона — это была подруга. Она дичилась и никак не могла понять, почему Яшка так доверяет людям.

Наступила весна. Яшка стал все реже и реже прилетать к нам. И наконец настал день, когда Яшка не прилетел домой. Дома стало скучно, скучно. Больше Яшку я не встречала.

— Привет, привет, мои друзья!

— Куда же вы запропастились, Мюнхгаузен? Мы тут без вас...

— Отлично справляетесь, доктор. И должен сказать, вы поступили абсолютно правильно, начав заседание Клуба с писем и сообщений. Позвольте присоединиться к вам и показать членам Клуба следующее письмо.

Кустик наоборот

Он растет в горах. Зовут его маральник. Имя как имя, а почему же «наоборот», спросите вы. А вот почему. Все кусты как кусты, листья на зиму сбрасывают, а у этого все по-своему: свернет их в трубочку и зимует. Но это еще не все. У всех кустов листья из почек появляются, а у этого: отцвел цветок — листик готов.

Цветет маральник весной. В это время в горах очень красиво.

г. Барнаул — Таня АКУЛОВА, Лариса РАТОМСКАЯ

— Как вы понимаете, это письмо — ответ на наш вопрос, заданный на одном из заседаний Клуба Почемучек. Должен добавить, что ответов на этот вопрос было прислано достаточно много, но очень коротких. Мне хотелось бы получать ответы более подробные.

Как вы знаете, уважаемые Почемучки, ни одно наше заседание не обходится без любопытных «почему» и «отчего». Следуя нашему правилу, предлагаю вашему вниманию это письмо:

У нас очень хорошая учительница биологии. Она часто задает нам интересные вопросы. Чтобы ответить на них, надо порыться в книгах, журналах, понаблюдать самим.

Какое растение называется водолазом и почему?

Почему зимой около деревьев образуются лунки?

Почему на деревьях верхние листья опадают позднее, чем нижние?

Назовите растение, которое носит название «водяного пирата».

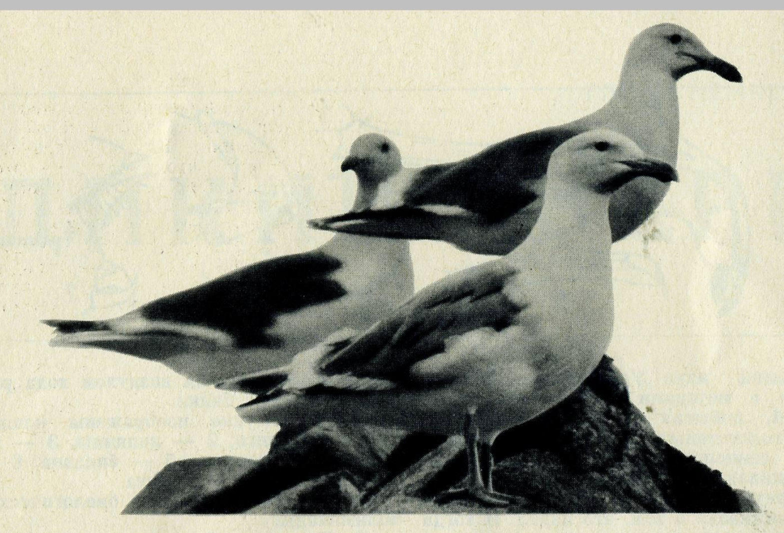
Я знаю, как ответить на них, но пусть попробуют ответить и другие ребята.

г. Казань — Римма ТАШБУЛАТОВА

— Друзья мои! С тех пор как мы начали строить Птицеград, я увлекся рассказами из жизни самых разных птиц. И представьте, встречаются необыкновенные, я бы сказал, фантастические истории. Хотя бы эта, которую нам рассказывает Сергей Владимирович Туманов.

Бургомистр

Не зря получила это прозвище чайка. Не было случая, чтобы она прозевала непрошеного посетителя. Еще издали заметит опасность и раньше других жителей птичьего базара поднимет такой истошный крик, что его услышат не только птицы, но и тюлени. Если же непрошеный гость приблизится к гнезду, в котором сидят птенцы, чайки от «разговора» переходят к делу. Они набирают высоту и пикируют на нарушителя покоя. При этом очень часто выходят из пике буквально в нескольких сантиметрах от головы врага. Однажды чайка упорно пыталась отогнать меня от гнезда. Наконец я подчинился. Но едва я сделал несколько шагов, как почувствовал внезапный сильный удар по голове, сбивший наземь фуражку. Перешедшая пределы «дозволенной» обороны чайка, сгорбившись, полетела

прочь, а я, удивленный, еще долго стоял, ощупывая контуры проступающей на темени шишки.

Воинствующий характер бургомистров хорошо изучили песцы. Они не пытаются подходить к их гнездам, даже если те находятся совсем рядом.

В гнезде у чайки бывает два-три крупных оливково-бурых, с темными пятнами яйца. Если их взять, птица отложит новые. Но с каждой последующей кладкой размер яиц заметно уменьшается. А после четвертого сбора птица, как правило, гнездо бросает.

Вылупившиеся птенцы некоторое время сидят в гнезде, а потом начинают разбредаться по окрестностям. В это время нередко между семьями возникают потасовки из-за детей. Стоит соседке щипнуть клювом вторгшегося на ее участок птенца, как его родители налетают и наказывают обидчицу.

Бургомистры любят разнообразную пищу — ловят рыбу, собирают по морским берегам выбросы, словно санитары, расхаживают среди котиков. Необычайно большой рот и пищевод позволяют бургомистру проглатывать очень крупные куски головы кеты, горбуши и даже кижуча. На Командорских островах мне не раз приходилось наблюдать, как чайка заглатывает огромного морского ежа прямо с его известковыми иголками и панцирем.

На птичьих базарах в качестве своеобразной платы за охрану бургомистр берет дань в виде яиц, оставленных на мгновение без присмотра, или хватает птенцов. Иногда чайка ловит и мелких взрослых чистиковых птиц — люриков или конюг. Местами чайка наносит существенный вред птицам.

— Нет, друзья мои, нет, я не перестану удивляться до тех пор, пока ноги будут носить меня по белу свету и люди будут называть меня путешественником.

Посудите сами. Однажды, дело было зимой, я заехал в село. Конь мой, учуяв рядом скотный двор, весело заржал. Я выпрыгнул из седла и, решив обогреться, рванул на себя первую попавшуюся дверь. Рванул — и зажмурился! Цвет яркой зелени ослепил меня. Предполагаете, что я попал в оранжерею. Кого из вас я стал бы удивлять рассказом об оранжерее? Среди зимы я оказался... на лугу.

Луг... в колбе

На улице стоял мороз, но едва мы отворили дверь, как пахнуло теплом и неповторимым запахом весны, зелени.

Большой зал был освещен лампами дневного света. В трех круглых бассейнах, расположенных каскадно, почти бесшумно вращались большие стержни, равномерно перемешивая жидкость. В расставленных на столах бутылях бурлил изумрудный раствор. Сюда из баллонов периодически поступали небольшие порции углекислого газа.

В небольшой комнатке, примыкавшей к залу, склонились над микроскопом зоотехник и лаборант.

Трудно сказать, кому первому в колхозе «Червоный маяк» пришла мысль выращивать хлореллу, но осенью 1967 года колхозный зоотехник Григорий Петрович Кука вылетел в Узбекистан. Он прибыл в Институт ботаники

Академии наук Узбекистана. Ознакомился с методами выращивания водорослей, побывал в лабораториях, на производственных участках. Осмотрел он и свинооткормочное хозяйство, где выращивают хлореллу.

Вернувшись домой, Григорий Петрович рассказал о том, что видел. И тогда порешили, что дело это полезное и надо начинать строить помещение для разведения хлореллы.

Первые шаги, первые неудачи. Хлорелла упорно не хотела расти. Не хватало нужной аппаратуры. Теперь все это позади. Хлорелла растет.

В колхозе был проделан такой опыт. Поросят разбили на три группы. Первая опытная получала хлореллу, и поросята давали привес до 100 граммов за сутки. Вторая опытная группа поросят получала люцерну. Привес поросят этой группы составил лишь 30 граммов. Те же поросята, которых кормили обычно, намного отстали в весе от опытных.

Быть может, недалеко то время, когда во многих хозяйствах станут разводить хлореллу, и животные зимой смогут получать богато витаминизированный корм.

— Проверьте, правильно ли вы ответили на вопросы биологической олимпиады.

1. В нашей стране зубров разводят в заповедниках. Сначала их привезли из Беловежской пущи в Приокско-Террасный заповедник. Стадо зубров (не совсем чистокровных) было выпущено в Кавказском заповеднике, где они хорошо живут. В загонах разводят зубров в Хоперском, Мордовском и Окском заповедниках.

2. Вода из полной банки могла пролиться скорее всего в том случае, если в нее был посажен паук серебрянка. Паук соорудил свой воздушный колокол под водой (по условиям задачи в банке были нужные для этого растения), а вытесненная воздухом вода разлилась вокруг банки.

3. На рисунке изображены клювы: 1 — фламинго, 2 — колпицы, 3 — тупика, 4 — козодоя, 5 — баклана, 6 — шилоклювки, 7 — клеста.

А теперь вопросы биологической олимпиады.

1. Почему в больших городах лиственницы растут хорошо, а сосны и ели плохо?

2. Какие рыбы изображены на этих почтовых марках? Водятся ли они в нашей стране?

Итак, друзья мои, наше заседание подошло к концу. Надеюсь, вам понятны вопросы и задания, которые вы получили.

До скорой встречи!

ГАРИЙ НЕМЧЕНКО

ДИКИЙ ЗВЕРЬ

ПОВЕСТЬ [1]

Рано утром в интернат приехали шефы — трое молодых монтажников, одетых в зеленые брезентовые куртки с эмблемой на рукаве. На эмблеме в желтом кругу черным была нарисована маленькая домна, а над нею — стрела крана с большим, похожим на вопросительный знак крюком.

Сначала один из монтажников пятился к клетке, обеими руками поманивая за собою машину, которая медленно шла в узком проходе между железобетонными плитами и уже привезенной с берега на зиму длинной металлической лодкой. Потом машина развернулась, подалась к клетке задним бортом и стала, и двое других монтажников открыли борт и сбросили на землю большую бухту толстого стального троса, пару кусков троса потоньше и несколько мотков бечевы, а потом вниз полетели широкий монтажный пояс, какие-то металлические пруты и крючья, а под конец — перетянутая шпагатом стопка новых брезентовых рукавиц.

— А чего это вы, дядя, будете делать? — спросил у одного монтажника Венька Степаков, и тот как будто бы удивился:

— Как чего? Будем вашего Миху переводить в новый дом.

— А как вы его будете переводить?

— А вот увидишь.

— Не, дядь, правда, а как?

Но тут прозвенел звонок, а из-за угла школы показался Петр Васильич, и ребята нехотя пошли в класс.

На перемене, конечно, все снова бросились к Михе и увидели, что монтажники сидят на мотках бечевки и покуривают, а между клеткой и новым зверинцем по земле туго натянут стальной трос.

Около троса, сунув руки в карманы, уже стоял Венька Степаков, и, когда ребята подбежали, он будто бы равнодушно сказал:

— А я знаю, как его поведут.

Веньку обступили.

— Расскажи, Вень!

— А ты чего, все время тут был?

— Он с пол-урока...

— Ага, он бритвочкой нарочно тренькал, его Лиль Иванна и выгнала.

— Ну расскажи — как?

Венька помолчал, повоображал еще немножко, потом сказал:

— Да как? Вот так и поведут. Пояс на него монтажный наденут — вот как...

— На медведя?

— Да брось ты, Веньк!

А Венька спокойно продолжал:

— От пояса тросик пойдет, а на конце — кольцо, а кольцо это наденут на этот вот большой трос.

— Как Бобик на цепи будет?

— Это чтобы он не убежал, если чего, — объяснил Венька. — А еще к поясу веревки привяжут — вон там на поясе тоже кольца специально для них приделали. И за веревки потащат.

— Да как же на медведя-то пояс, Степак?

— Да уж наденем, будь спок, — пообещал Венька.

Видно, бренчалку из лезвия он собирался сделать и на следующем уроке...

В пятом классе «В» была история, и Виталий Сергеевич сказал, что спрашивать он не будет, будет только рассказывать, но слушали его невнимательно, мно-

[1] Окончание. Начало см. в № 1.

гие посматривали в окно, через которое был виден новый зверинец, — не ведут ли уже Мишана?

А новостей не было — видно, на медведя никак не могли надеть монтажный пояс. Да и как его, в самом деле, наденешь?

Егорка даже позавидовал сейчас Степакову: того небось давно уже выгнали, стоит он себе около монтажников и смотрит, что они делают.

Может быть, бритвочкой побренчать? Или попроситься выйти?

Но тут Егорка вспомнил, как мама, наклонившись над ним, говорила: «На той неделе решил собраться отец да съездить». Отец, правда, пока не приезжал, все с пчелами перед зимой, видно, никак не может управиться, но управится — все равно приедет.

Но дело даже и не в этом, просто Егорка вообще-то представить себе не мог, как это он сидел бы вот так за партой и с глупой ухмылкой на лице бренчал бы бритвочкой.

И снова на перемене ребятишки окружили клетку.

Теперь все увидели, что один монтажник стоит над дырой на крыше и на двух тонких веревочках держит высоко над полом раскрытый широкий пояс. Выбирает этот монтажник момент, когда Миха перестанет ходить из угла в угол, и опускает пояс ему на спину, а двое других, которые за металлической сеткой с разных сторон стоят напротив самой клетки, — эти двое длинными крючками тут же пытаются этот пояс на Михе застегнуть.

Да что ж Миха, ждать будет? Приподнимется он тут же, и пояс с него соскользнет, а медведь опять начнет шагать по клетке, переваливаться то на одну, то на другую сторону.

Петр Васильич снова бросит Михе бумажный шарик побольше, тот приостановится, начнет его громко обнюхивать да катать когтистой своей лапой, пытаясь развернуть, а тут монтажник, что наверху, снова тихонечко опускает свой пояс. Ложится он Мишке на спину, и двое других тут же просовывают в клетку свои крючки.

Около клетки, упираясь ладонями в колени, горбится Конон, приседает, шею вытягивает, командует:

— Так-так!.. Пряжку чуть-чуть левей, так... Теперь тот конец... Эх!

Один монтажник обернулся и говорит Конону:

— Между прочим, друг, нас на зрение каждый год проверяют.

Петр Васильич снова бросил медведю бумажный шарик.

— А чего вы ему пустую бумажку, Петр Васильич? — спросил кто-то из ребятишек.

— Ага, может, ему лучше сахарку завернуть?

— Ладно, ладно, хлопцы, тут както-нибудь без вас, — сказал Петр Васильич. — Нельзя пока Мишку кормить, вам ясно?

А тот снова остановился, обнюхивая бумажный шарик, и монтажник, который наверху, снова начал тихонечко заводить пояс.

Потом внизу один говорит:

— Зацепили вроде!

Петр Васильич стал им помогать третьим крючком, дело пошло на лад, а тут снова этот звонок — ну надо же!

Директор говорит:

— А ну-ка, хлопцы, давайте-ка, давайте по классам! И имейте в виду, что у тети Ульяны работы на кухне много, Ступаков Веня может со всей посудой один не справиться!

Вот чего Веньки-то не было видно — Петр Васильич поймал его тут, да и отправил в столовую судки да кастрюли драить! Добренчался Венька!

И вот наконец занятия в первой смене закончились, а тут уже и медведь ходит по клетке в монтажном поясе — красота!

Широкий пояс на нем туго затянут, а через плечи за шеей — цепь, ну, точно тебе, в самом деле, как у монтажников. Это страховка, говорит Петр Васильич, для того, чтобы Миха не смог опустить пояс через задние лапы.

Ребята шумят, интересуются:

— А если через передние спустит?

— Не должен бы. Его веревками назад будут оттягивать.

— Ну да — одними веревками вперед, другими — назад, вот он и будет держаться.

Медведь приподнялся, одной лапой, будто нарочно, взялся за цепь и туда-сюда заходил — и правда, чисто монтажник!

— Со смеху помрешь! — кричит Конон. — Вот бы он так сбежал, в этом поясе бы да с цепью!.. Там бы в тайге его сразу бы самым главным назначили.

Монтажники тоже смеются:

— Нет, он бы там по снабжению пошел. Сразу бы стал крупным специалистом по кедровым шишкам.

— Конечно, наверх забрался, цепью пристегнулся и спокойненько себе обрывай — о технике безопасности не думай!

Но вот к поясу медведю уже и трос прицепили, и привязали веревки, а в клетке подпилили и приподняли вверх часть прутьев, чтобы Миха мог вылезть.

— Ну, Мишенька, теперь давай, — говорит Петр Васильич. — Новая квартира у тебя хорошая, просторная, с теплой берлогой. Так что давай, Мишан, с богом, как говорится! Взялись, ребята!

Все стали потягивать за веревки, понукая Мишку, а он только топчется на одном месте.

— А ну поднажми!

Потянули сильней — и трое монтажников с Петром Васильичем и Конон, а за Кононом сторож Фомич — тянут-потянут, словно репку из сказки...

— А н-ну еще поднажми!

Заворчал Мишка, по полу заскреб громадными своими черными когтями, завертел шеей — никак приподняться не хочет.

Да куда денешься: он-то один, а за веревки уцепилось уже вон сколько!

И Миха, все еще пытаясь упереться то одной лапой, то другой, потихонечку вылез.

— Потянули сразу, опомниться ему не давайте! — Петр Васильич командует.

Все дружно рванули, и Мишка сначала заскользил по влажной земле, заелозил, а потом побежал быстрей да быстрей...

А ребятишек сколько теперь собралось — и свои и чужие. На железобетонных плитах стоят, на перевернутой лодке, а некоторые уже и на клетку забрались, а другие — и на березу рядом. Один даже пробует залезть на железобетонный столб, который стоит немножко поодаль. Конечно, оттуда хорошо было бы видно, вон столб какой высоченный, а электричество туда еще не подвели, за железный кронштейн можно держаться — да только залезть на него не так-то просто. Поднимется парень метра на три, ноги сплетет, чтобы не соскользнуть, потом повисит-повисит, да и съедет.

И взрослых собралось уже сколько — услышали, наверное, что в интернате медведя в новый зверинец переводят, пришли посмотреть.

Некоторые теперь бросились помогать Петру Васильичу с монтажниками, другие стали ребятишек отпугивать — а ну, мол, сдай назад, сдай, мало ли чего может случиться; а третьи рты пораскрывали не хуже ребят, лезут куда повыше, чтоб лучше видно.

Егорке показалось, что Венька Степаков рядом кричит, глянул вбок — наверное, сбежал Венька от кастрюль с кухни... Глянул, а неподалеку стоит черный старик из музея, вытягивает шею и тихонько кричит:

— Дав-вай, Миша!..

Шляпа у старика сбита набок, глаза поблескивают из-под пенсне: увлекся!

Это он снова, наверное, пришел спросить, этот старик, не передумал ли Петр Васильич...

А Мишка уперся, дерет лапами, и след за ним — хоть картошку сажай, такой глубокий...

Веревки ослабили, и тут он как-то ловко вдруг повернулся, привстал на задние лапы, смотрит на старую свою клетку и не рычит уже, а как будто скулит, да так жалобно.

Эх, думает Егорка, конечно, ведь он не знает, Мишка, куда его ведут, — вот и упирается что есть мочи.

— Смотрите, как бы он ремень случайно не расстегнул! — крикнул один монтажник.

— Ага, вон кончик из пряжки выбился...

— Стоп, ребята, поправить надо, а то он нам даст!

— Виктор! — крикнул Конону Петр Васильич. — А ну-ка возьми крючок да поправь!

Медведь все стоял на задних лапах, слегка наклонясь в сторону клетки.

Конон взял длинный металлический прут с маленьким крючком на конце и стал медленно подходить к Мишке.

— Чего ты так сбоку топчешься! — закричал Петр Васильич. — Спереди подходи и давай смело...

Конон сделал еще шажок, другой и протянул прут к медведю. Рука у Конона заметно подрагивала.

— Чего ты его щекочешь? — крикнул тот монтажник, который раньше стоял на крыше. — Ты дело делай, а не щекочи!..

Но Конон уже зацепил крючком краешек ремешка и пробовал теперь просунуть его в пряжку.

Миха все посматривал то на Конона, то на ремень у себя на животе, а потом вдруг рявкнул и кинул обе лапы вперед — как будто хотел обнять Конона.

До Конона было еще добрых полтора метра, а то и больше, но он откинулся назад, а медведь, потянувшись лапами, рявкнул снова, и Конон опять отшатнулся, торопливо задергал крючком и рванул им сперва слегка, потом посильней, и вдруг ребята увидели, как и монтажники, и Петр Васильич со сторожем, и те, кто им помогал медведя удерживать, — все валятся спиной в кучу малу, а медведь стоит уже без пояса и смотрит на Конона.

Вокруг стало так тихо, как и на самом тихом уроке не бывает...

Медведь зарычал снова, и тут Конон, словно по команде, повернулся не очень ловко и пошел от него сгорбившись сначала медленно, а потом все быстрей и быстрей, и тут Миха опустился на все четыре лапы и, взбрыкнув, прыгнул вслед за Кононом, потом приподнялся, глядя ему вслед, да ка-ак рявкнет!..

Конон бросился бежать, вперед вытягивая руки, налетел на железобетонный столб, подпрыгнул и быстро пополз вверх, перебирая руками и ногами так ловко, будто всю жизнь тем и занимался, что по таким столбам лазил.

Прошли считанные секунды, а он уже долез до самого верха и замер там, вцепившись в кронштейн.

А медведь опустился на все четыре лапы, постоял немного, вытянув морду к земле, а потом сел, развалившись, и стал себе спокойно почесываться.

Что тут началось вокруг медведя — сначала ничего нельзя было разобрать!

Стояли шум и суета, и одни говорили, что кто-то уже побежал за милицией, другие — что Петр Васильич кого-то послал за ружьем, а третьи громко кричали:

— Ну и беги теперь в тайгу, Миша! Чего сидишь, дурачок!

А медведь сидел себе, почесывался, по сторонам поглядывал. Вот интересно: в клетке, бывало, ни минуты не посидит, все ходит и ходит, а тут выбрался на волю — и сел.

Егорка увидел, что к Петру Васильичу, руками придерживая кобуры, пробираются через толпу два милиционера.

Теперь Егорка и сам не понимал, что он делает. Он бросился к Михе, и Миха приподнял голову, потянулся мордой к Егорке и рыкнул негромко, совсем тихонечко и дружелюбно, словно телок.

— Миха, Мишенька, ну убегай, Миха! — заговорил горячо Егорка. — Чего ж ты сидишь, убегай... На гору вот, а там — лес, и никто тебя не поймает!

— Егорка! Полунин! — громко закричал Петр Васильич. — А ну-ка вернись!

А Егорка потрепал Мишку за одно ухо и за другое, потом потянул к себе, пытаясь приподнять:

— Ну беги!.. Беги, а то тебя застрелят тут, ну!.. А там тайга, Мишка!

Тут Егорка увидал, что из-за угла школы вышла тетя Ульяна с тем самым ведром, в котором она носит помои для Мишки.

— Я еще вчера с вечера припасла, — сказала, проходя мимо Петра Васильича. — Тут как раз все такое, что он любит.

— Давай-ка мне ведро, Ульяна Семеновна!

Но тетя Ульяна отстраняет Петра Васильича свободной рукой.

— Меня-то он небось не хуже знает — кто ж его кормит?

Тетя Ульяна неторопливой походкой идет к медведю с ведром.

И тут вдруг снова становится тихо.

А тетя Ульяна издали еще говорит Мишке жалостно:

— Ты ить с вечера еще не евши, дурашка, да не пивши. А ну-ка пойдем, пойдем, я тебя покормлю хорошенько! Эх ты, зверь лесной, скотина домашняя!

Поднесла она ведро свое к Мишке, а тот уже на ногах, уже тянется к нему мордой.

— Ну, пошли, пошли, дурачок!.. В новом доме-то своем и поешь — вот и будет у тебя новоселье!

Тетя Ульяна идет к зверинцу и все говорит и говорит — спокойно и жалостно, а Миха бежит за ней, пробует ткнуться мордой в ведро, взбрыкивает, а она меняет руку, и Мишка тут же забегает с другой стороны и снова взбрыкивает — ну ровно малый телок, а не дикий зверь.

Вот уже и новый зверинец, и медведь приостановился, словно для того, чтобы пропустить первой тетю Ульяну, а потом тут же за нею кинулся, и она закричала сердито:

— У ты, такой-сякой, с ног собьешь — потерпеть чуток не потерпишь!

Оставила она ведро в зверинце, а сама тут же обратно.

И дверь на засов — щелк!..

И все закричали и бросились к зверинцу — не пробиться.

А Егорка стоял поодаль, и ему почему-то было обидно за медведя: поманили вот ведром с помоями — и пошел! Эх ты, хозяин тайги! Эх, Миха, Миха!..

А все кругом теперь то посмеивались, то головами качали, заново переживая то, что только произошло...

И вдруг сверху снова раздался жалостный такой крик:

— Ульяна Семеновна-а-а!.. Теть Ульяна-а-а!

Это Конон со своего столба звал:

— Ну скажи им, чтобы меня сняли!..

Петр Васильич рассмеялся:

— Видишь, Ульяна Семеновна — он уже к тебе как к главному человеку здесь обращается, спасибо тебе, что так нам помогла!

А со столба опять:

— Тетя Уля-я-я!..

Петр Васильич сказал:

— Егорка! Добеги-ка ты до телефона, скажи, чтобы электромонтажники машину с вышкой прислали — ну, эту, с которой они нам помогали иллюминацию на Май вешать. Скажи, мол, человек со страху залез на столб, да так вцепился, что отцепиться теперь не может.

Но о том, как приехала машина с выдвижной вышкой, как два дюжих электромонтажника отдирали от столба знаменитого охотника Конона — грозу сибирских медведей, — об этом я рассказывать не стану.

«НА ТОКУ». Гравюра А. Жабина

Атака „тернового венца“

Австралия. Большой Барьерный риф. Он протянулся на 2300 километров от острова Новая Гвинея до мыса Санди. Ученые открыли его почти двести лет назад, но до сих пор он еще до конца не изучен.

Сейчас риф в опасности. Огромные полчища морских звезд беспрестанно атакуют его. Коралловые рифы создают животные — коралловые полипы. Кораллы образуют огромные подводные леса.

Много врагов у коралловых полипов. Во время штормов волны обламывают их «ветви». Двустворчатые моллюски, усоногие раки и черви, вгрызаясь глубоко в известковый скелет коралла, разрушают его. Морские рыбы и ежи объедают водоросли, которые скрепляют мертвые кораллы. Но враг номер один — морская звезда акантастер планси, прозванная «терновым венцом».

Только в 1961 году ученые узнали, что эти звезды питаются живыми коралловыми полипами, а уже в 1962 году австралийские власти подняли тревогу: на северной оконечности рифа начался зловещий марш «тернового венца». Звезды прошли около 500 километров и погубили уже 120 больших коралловых рифов. Меньше чем за десять лет эти хищники могут распространиться по всем 2500 отдельным рифам Большого Барьерного рифа. Если это случится, то пройдут века, прежде чем восстановится жизнь коралловых колоний.

«Терновый венец» — одна из крупнейших в мире и одна из самых хищных морских звезд. Ее пятнадцать-семнадцать «рук», размах которых достигает 60 сантиметров, увенчаны сотнями длинных зеленовато-коричневых шипов. Мучительную боль причиняет звезда любому живому существу, кожу которого прокалывают шипы. Вероятно, шипы ядовиты. Проголодавшаяся звезда, закрепившись на рифе, выворачивает наружу свой желудок, обволакивает им живые полипы, которые обычно расположены по поверхности рифа, и начинает переваривать их. На пути звезды остаются голые коралловые скелеты. Только пять полипов из ста случайно выживают. И то ненадолго. Новые нашествия звезд уничтожают их начисто.

Печальное зрелище предстает глазам исследователей, опускающихся под воду с аквалангами. На рифах, пораженных звездами, повсюду видны огромные пятна, где не осталось более живых коралловых полипов, — следы разбоя «тернового венца».

Мертвые обломки опустились на дно и разрушаются водой. Лишь несколько разноцветных рыбок снуют по морскому кладбищу.

Морские звезды, разрушая кораллы, уничтожают рыболовные угодья, так как коралловые рифы — место нереста многих морских рыб.

Ядовитые вещества «тернового венца», попадая с водорослями

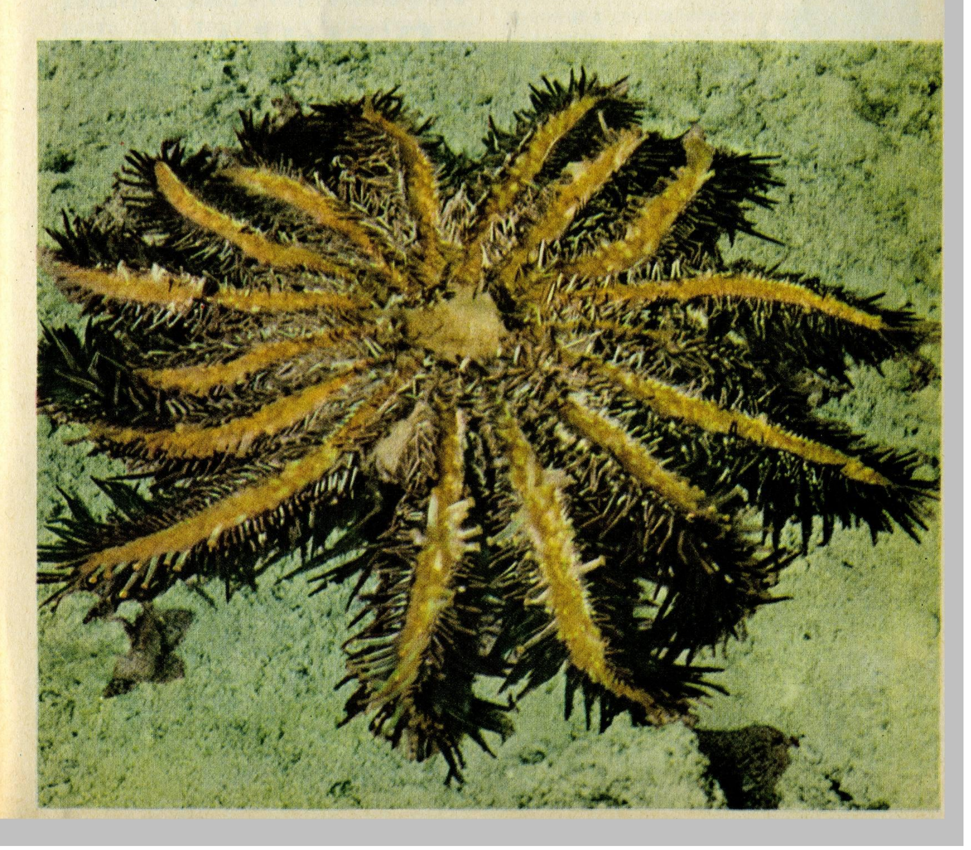
к рыбам, а от них к человеку, вызывают у людей странное заболевание. Человек начинает путать ощущение тепла и холода. Горячий суп кажется ему холодным, а мороженое жжет рот.

Для спасения Большого Барьерного рифа создан специальный комитет. Ученым предстоит решить грандиозную задачу. Ведь всего лишь одна звезда за лето может отложить до 20 миллионов икринок, и личинки, которые из них выведутся, течение быстро разнесет во все стороны.

Как же бороться с этими хищниками?

Пытались просто рубить звезды на части, но от этого их только становилось больше: каждый обрубленный луч вырастал в новую звезду. Применяли электрический ток высокого напряжения. Но все безрезультатно.

Причины необыкновенно быстрого размножения «тернового венца» пока неизвестны. Может быть, в этом виноваты многочисленные туристы — любители сувениров, которые увозят с рифов огромное количество витых раковин моллюска чарония тритонис. Этот 35-сантиметровый моллюск — естественный враг «тернового венца», и ученые считают, что пришло время не только взять под защиту этих моллюсков, но и начать разводить их в неволе.

ЗДРАВСТВУЙ, ПТИЦА ВЕСЕННЯЯ!

В январе, как и положено, трещали морозы, а вот в феврале почти не было обычных февральских метелей. Наоборот, совсем по-мартовски голубело небо, вздыхал повлажневший снежный наст, над асфальтом шоссейных дорог временами курился легкий парок. Но пришел март, и все повернулось вспять. Нагрянули низкие скученные облака, потянула колючая поземка, заискрилась под свежей накидкой земля. Приморозило.

Только ненадолго все это. Может быть, так даже лучше — дружнее грянет весна.

И грянула. Поредели вдруг облака, в небе появились бездонно-синие оконца, на земле — желтовато-прозрачные лужицы. У одной из таких лужиц неожиданно опустился свиристель-красава. Птица пила воду и кланялась своим задорным хохолком, будто в зеркало гляделась: как, мол, не попортилась модная одежка за время многотрудного зимнего кочевья?

Дивная птица свиристель! Только не она приносит на своих крыльях весну.

Немало весенних примет имеется, однако среди других люди почему-то чаще обращают внимание на больших черно-вороненых, с белыми надклювьями птиц.

Грачи! Деловито, шумновато принимаются они обживать свои летние квартиры. А работы, конечно, хватает. Еще вчера тут, над старыми тополями, целой стаей отмечали какое-то событие вороны и до того раскаркались... Уж не к чужому ли подворью примерялись? Ну что ж, попробуйте — вот они, настоящие хозяева, дружные, напористые, сильные!

День-деньской хлопочут птицы над своими домиками. Сухие ветки, прутья, а то и целые палки тащат. Когда нет готового материала, так прямо с деревьев ухитряются ломать сушняк.

А как важно по проселкам и зимникам расхаживают в своих строгих парадных фраках! Даже виду не подают, что ждут не дождутся, чтобы последний снег быстрее сошел, да трактор в поле первую борозду проложил. Пока совхозные учетчики возьмутся за сажени, пернатые землемеры шагами все перемерят.

Одним словом, забот новоселам достает. Однако стоит солнышку пригреть, да к тому же и свободная минута выпадет, можно и песню заздравную спеть.

Кто-то, конечно, возразит: «Какая уж там песня! Карканье на манер вороний, и только...» Ничего подобного! Песня, самая лучшая песня весны. Просто каждый по-своему ее исполняет. Скворец, например, вечно что-то чужое выдает, вроде визга жеребячьего или лягушачьего кваканья, сорока стрекочет, будто заведенная, воробей в коротких передышках между драками изумленно восторгается: «Чив-чив!» — стало быть, перезимовал, жив остался. Короче говоря, все как-то не очень солидно поют. Грач же — птица степенная. Он как? Наберет не спеша воздуха в легкие побольше, кинет хвост веером, глаза закроет и: «Кар-р!» Да с таким чувством и достоинством! Малость помолчит, словно приятный момент переживает, и еще разок голос подаст. А на том и весь концерт — пора опять за дело приниматься.

Мелодия, конечно, нехитрая, но уж зато от всей души. Прислушайтесь, грачиная песня совсем не похожа на базарное карканье вороны. В ней все: и рассказ о дальних странах, долгий и трудный путь, радость встречи с родным домом. И самое главное, в этой короткой песне очень много весны.

Б. ТИМОФЕЕВ

Фото автора

ОТЧАЯННЫЙ

Тихим мартовским утром я сидел с ружьем в устье Церковного ерика. Ночной туман, пригретый сверху солнцем, поднялся рваными, нерасчесанными хлопьями, и миру открылась настоящая весна: голубое небо точно вымыто, на рыжей прошлогодней траве, на полегших камышах хрустальными бусинками вспыхнули, заискрились капельки росы; многочисленные озерца на лугу, оставшиеся от талого снега, заблестели под солнцем и, казалось, тоже излучали тепло. Рыбацкие хутора над Доном, тополевые рощи вдали подернулись нежной сиреневой дымкой. А в воздухе такая чистая бирюзовая свежесть, хоть черпай ковшом и пей.

Над ериком, где на крутой излучине пробкой застрял и никак не мог прорваться почерневший ноздреватый лед, с тоскливым мяуканьем кружились мартыны-рыбалки. Среди них мельтешили и чернобокие вороны, неуклюже размахивая крыльями с растопыренными, как пальцы, перьями. Они хрипло и беспокойно орали.

Я сидел в засидке под кустом тальника, смотрел на них и не мог понять, зачем здесь собрались вечно враждующие птицы и что они между собой не поделили.

Позади меня послышались шаги — сначала смелые и быстрые, потом замедленные, вкрадчивые. Я оглянулся. Рядом стоял мальчишка лет девяти. Худощавый, с большими синими глазами, он с нескрываемым любопытством рассматривал меня. Я тоже уставился на него. Уж больно смешным он мне показался. Смотрит на меня и широко улыбается, будто мы с ним давным-давно знакомы, но давно не видались. И одет этот незваный гость был тоже смешно: тесная и очень короткая куртка плотно обхватывала его худощавую фигурку. Из коротких рукавов чуть ли не до локтей выглядывали покрасневшие от холода руки. Такие же серые штаны тоже тесны. Зато резиновые сапоги, должно быть с отцовских ног, болтались на нем, как пустые.

— Ты откуда такой? — спросил я.

Широкая улыбка на его лице сразу исчезла, а белесые брови чуть-чуть нахмурились.

— А вы что тут делаете?

Я тоже напустил на себя строгость:

— Сам видишь, что я тут делаю.

Он немного замялся и шагнул ближе.

— А права у вас есть?

— Ну, а то как же!

— А вы покажите, — подошел он уже совсем близко.

Я с любопытством посмотрел на парнишку.

— Да ты кто такой?

— Это неважно, — сказал он, еще больше хмурясь, и так посмотрел на меня своими синими глазами, что я увидел в них силу непримиримого характера. — Я — тутошний, — кивнул он на хутор.

Я притворно вздохнул:

— Ну что же, придется показать.

Достал охотничий билет и подал его через куст строгому пареньку.

Тот долго вертел билет в руках, рассматривая со всех сторон. Брови у него то хмурились, то поднимались кверху. Возвращая билет, сказал солидно:

— Тогда правильно. Охотьтесь... А то ходят тут разные, всю дичину разогнали. А я спрячусь под куст! Ладно?

Я пожал плечами:

— Тогда уж залезай ко мне, тут сухая подстилка.

Парнишка проворно нырнул в лазейку, уселся рядом, бесцеремонно потеснив меня, и довольно улыбнулся.

— Тут красота! — сказал он. — Солнышко пригревает.

От него пахло дымком и еще чем-то домашним, луковым. На затылке, на тонкой шее, — глубокая канавка с косичкой волос неопределенного желто-серого цвета, а по окрайкам, на шее, совсем белесый пушок.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Тимкой, — сказал он и, глянув на меня сбоку, добавил: — А ребята Тимуром зовут.

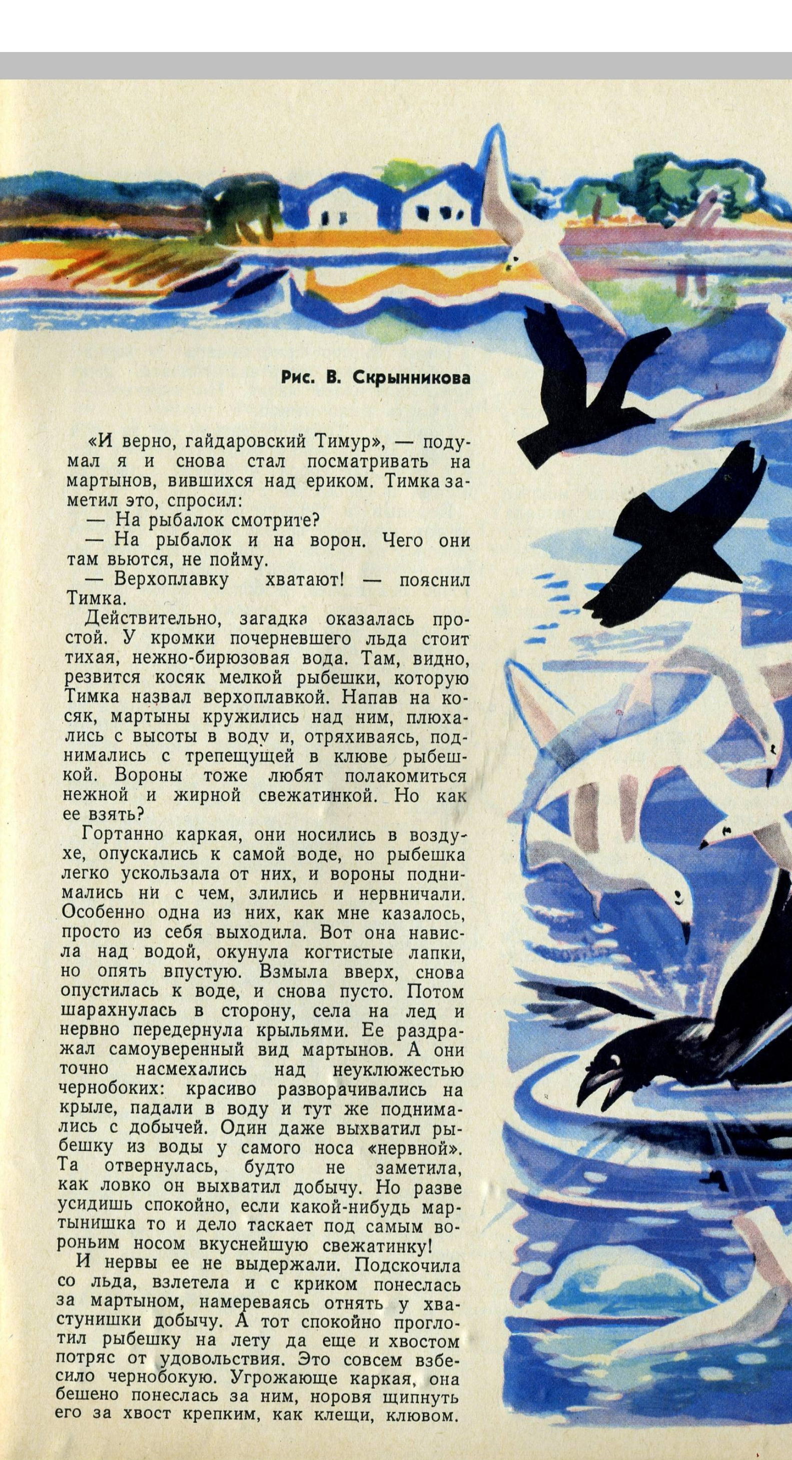

Рис. В. Скрынникова

«И верно, гайдаровский Тимур», — подумал я и снова стал посматривать на мартынов, вившихся над ериком. Тимка заметил это, спросил:

— На рыбалок смотрите?

— На рыбалок и на ворон. Чего они там вьются, не пойму.

— Верхоплавку хватают! — пояснил Тимка.

Действительно, загадка оказалась простой. У кромки почерневшего льда стоит тихая, нежно-бирюзовая вода. Там, видно, резвится косяк мелкой рыбешки, которую Тимка назвал верхоплавкой. Напав на косяк, мартыны кружились над ним, плюхались с высоты в воду и, отряхиваясь, поднимались с трепещущей в клюве рыбешкой. Вороны тоже любят полакомиться нежной и жирной свежатинкой. Но как ее взять?

Гортанно каркая, они носились в воздухе, опускались к самой воде, но рыбешка легко ускользала от них, и вороны поднимались ни с чем, злились и нервничали. Особенно одна из них, как мне казалось, просто из себя выходила. Вот она нависла над водой, окунула когтистые лапки, но опять впустую. Взмыла вверх, снова опустилась к воде, и снова пусто. Потом шарахнулась в сторону, села на лед и нервно передернула крыльями. Ее раздражал самоуверенный вид мартынов. А они точно насмехались над неуклюжестью чернобоких: красиво разворачивались на крыле, падали в воду и тут же поднимались с добычей. Один даже выхватил рыбешку из воды у самого носа «нервной». Та отвернулась, будто не заметила, как ловко он выхватил добычу. Но разве усидишь спокойно, если какой-нибудь мартынишка то и дело таскает под самым вороньим носом вкуснейшую свежатинку!

И нервы ее не выдержали. Подскочила со льда, взлетела и с криком понеслась за мартыном, намереваясь отнять у хвастунишки добычу. А тот спокойно проглотил рыбешку на лету да еще и хвостом потряс от удовольствия. Это совсем взбесило чернобокую. Угрожающе каркая, она бешено понеслась за ним, норовя щипнуть его за хвост крепким, как клещи, клювом.

— Гляньте, гляньте! — засмеялся Тимка. — Ух, она б его сейчас вместе с верхоплавкой проглотила, злюка!.. Ух и вредные ж они, вороны! Знаете, сколько они прошлым летом цыплят-пуховичков у нас потаскали?..

Легко, словно играючись, мартын ловко увильнул от вороны, спокойно развернулся на крыле, плюхнулся в воду и, отряхиваясь, поднялся с рыбешкой.

И «злюка» потеряла рассудок: нависла над тиховодью, высмотрела что-то и, сложив крылья, бросилась с высоты в воду. Шлепнулась и словно в патоку влипла. Тимка так и вскочил:

— Вот это да!

А та вынырнула, распластала мокрые крылья и только теперь, наверно, поняла свое отчаянное положение. Глянула вокруг ошалелыми глазами и взмахнула крыльями. Брызги полетели по сторонам, но взлететь не смогла, только больше влипла. На поверхности остались лишь большая голова, распластанные крылья да хвост, расставленный веером.

Не сводя с нее глаз, Тимка кусал свой грязный кулак, потом глянул на меня.

— Дядя, пропадет же, — сказал он тонким голосом. — Лодка у вас есть?

— Лодка возле хутора, под вербой, — сказал я.

Он повернулся, глянул на лодку и вышагнул из засидки.

Течение, струившееся из-подо льда, с минуту кружило ворону на месте, потом понесло на стремнину и медленно потянуло к заливу. Обезумев от страха, ворона изо всех сил зашлепала крыльями по воде, нацеливаясь к берегу. Но куда уж ей! Одна лишь голова торчала да распяленный пятерней хвост.

— Эх, глупая... Ну и глупая, — сказал я, поднимаясь в засиде.

Тимка глянул на меня с надеждой. Но чем я мог ей помочь? Тимка, закусив губу, пошел по берегу, не сводя с уплывающей «злюки» опечаленных глаз.

И тут я вспомнил, что в моем рюкзаке еще с осени лежит старый сазаний шнур со свинцовым грузилом. «Идея! — подумал я. — Может, удастся заарканить ее?»

Нагнулся к рюкзаку, стал рыться. Шнур оказался на месте. Я быстро отрезал крючок, повернулся к Тимке и обомлел: он уже был раздет и с какой-то злой решимостью стаскивал с себя майку.

— Тимка! Не смей! — крикнул я.

Но тот бросил на кучу одежды майку, прыжком оттолкнулся от берега и лягушонком плюхнулся в ледяную воду. Я выскочил из засиды и, разматывая на всякий случай шнур, побежал к его одежде, не зная, что делать: раздеваться и прыгать за ним в ерик или при случае кинуть ему шнур?

Тимка нырнул, тряхнул головой, торопливо зашлепал по воде руками, переваливаясь с боку на бок. Вернуть его уже не было никакой возможности: кричи не кричи. Не такой, видно, у него характер. На всякий случай я тоже стал раздеваться.

Тимка быстро приближался к вороне. Та беспокойно завертела головой, даже чуть попятилась назад. Но взлететь — и думать было нечего.

Подплыв, Тимка схватил ее за оба крыла, лег на спину, поднял птицу в одной руке над собой и быстро заработал ногами и свободной рукой.

Подплыв к берегу, он повернулся на живот, швырнул ворону на грядину. Очутившись на сухом, та быстро вскочила на ноги — до смешного высокая, худая, точно без перьев, и боком, боком поскакала на луг, к кочкам. Остановится, отряхнется — и опять вприпрыжку наутек.

Тимку я выхватил из воды за руки, накинул на него свою телогрейку и, схватив в охапку одежду, потащил его в засидку. Положив отчаянного казачонка на телогрейку, я принялся натирать спиртом его ребристые худые бока. Потом помог ему одеться, сказал:

— Слушай, оказывается, ты отчаянный парень.

— Точно! — вполне серьезно подтвердил Тимка. — Я дюже отчаянный! Когда шел к вам, так думал: ежели браконьер, сразу отниму ружье!

— Да, брат, — улыбнулся я, — страху ты на меня нагнал. Только я не об этом... Хотелось бы знать: что тебе вздумалось из-за вороны в ледяную воду бросаться? Сам же говорил, что они вреднющие, цыплят у вас перетаскали.

Тимка застегнул на все пуговицы тесную куртку, удивленно посмотрел на меня.

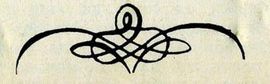
— У, — сказал он. — Так то же те, которые летают! А эта вон куда влипла... В беду. Как же ее можно оставить?

«Вот ты, брат, какой!» — с уважением посмотрел я на парнишку и подтолкнул его в спину.

— А теперь — быстрей домой! Да бегом! Чаю горячего попей и на печке отлежись, слышишь?

Тимка энергично кивнул и во весь дух пустился к хутору, гремя широкими голенищами резиновых сапог.

ГРИГОРИЙ ГАСЕНКО

Оказывается

Представьте себе, обезьяны — страстные телезрители. Так утверждает директор научного центра по изучению психологии обезьян в городе Атланта (США) доктор Г. Борн. Им был проведен необычный опыт. В клетки к обезьянам поставили телевизоры. Результат превзошел все ожидания: если программа нравилась животным, они весело смеялись, «хлопали в ладоши». Грустные же представления смотрели нахмурившись, с горестными лицами.

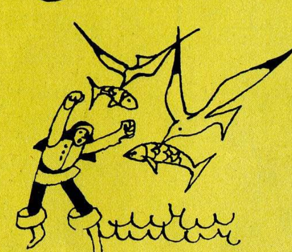
●

Знаете ли вы об удивительной реке Авар, которая протекает в Греции? Эта река шесть часов течет в сторону моря и шесть часов обратно, то есть в сутки река четыре раза меняет свое направление. Ученые это объясняют колебаниями уровня Эгейского моря в результате приливов и отливов.

●

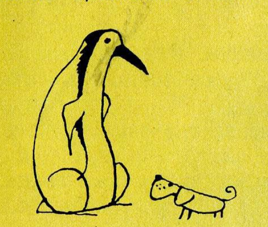
Бывает, что и чайки становятся бедствием. Между устьями Эльбы и Везера обитает, по ориентировочным подсчетам, 20—25 тысяч этих птиц. Полчища обнаглевших разбойниц истребляют певчих птиц, будят своими криками горожан, совершают налеты на кемпинги, где воруют еду прямо со столов туристов. Они заражают водоемы и реки, губят рыб и даже нападают на людей.

Целыми стаями они набрасываются на платформы, разгружающие рыбу в гавани с судов. По подсчетам ветеринарной службы Бремерхафена, «завтрак чаек» в одном лишь этом городе уносит 15 тонн свежей рыбы ежедневно.

●

Привезенный из Антарктиды пингвин Вольби чувствовал себя одиноким до тех пор, пока его соседка по зоопарку не ощенилась семью щенятами. У Вольби сразу же прошла апатия, пробудился отцовский инстинкт, и он, когда собака отсутствует, оберегает щенков и греет их своим пухом.

●

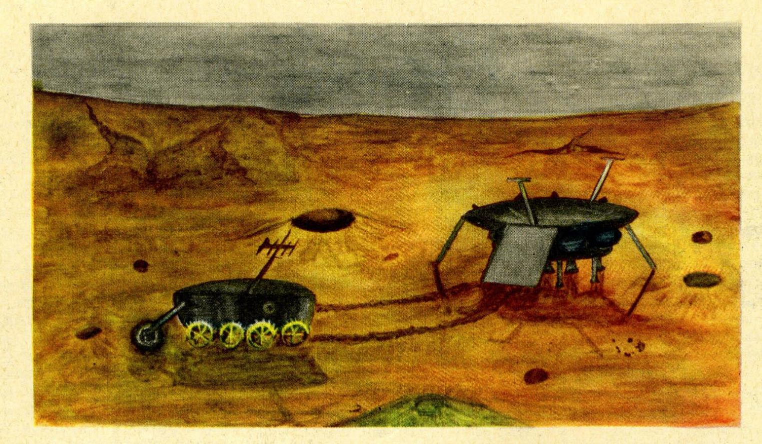
Природа — очень сложный «суперорганизм». Все ее элементы, живые и неживые, — почва, леса, звери, птицы, минералы — одно целое. Они уравновешивают друг друга, пока система не нарушена. Но стоит неумело вмешаться в жизнь природы, и это может привести к роковым последствиям. Достаточно выдернуть одну карту из карточного домика, чтобы рухнула вся постройка.

Пример — акклиматизация мангуст на Ямайке. Легионы крыс, расплодившихся на этом острове, пожирали пятую часть всего урожая сахарного тростника. Плантаторы решили с этим покончить. В 1844 году завезли на Ямайку из Южной Америки множество гигантских жаб, у которых была репутация отчаянных пожирателей молодых крыс. Однако, как пишут в газетах, оказанного им доверия жабы не оправдали. Крыс на Ямайке не стало меньше.

Тогда привезли хорьков. Но их тут, что называется, блохи заели: местные насекомые-паразиты совсем замучили хорьков, и те почти все погибли.

Наконец в 1872 году кому-то пришла идея обратиться за помощью к мангустам. Закупили их и выпустили на Ямайке. Но полуручные мангусты отказывались ловить крыс: они их боялись, так как никогда не видели.

Пришлось ехать в Индию за дикими мангустами. Привезли четырех самцов и пять самок. Эти крыс не боялись. Быстро прижились и расплодились. Через десять лет съели уже всех крыс и принялись за... поросят, ягнят, кошек, водосвинок, щелезубов, ящериц, птиц. Они грозили истребить большую часть островной фауны. «Иммигранты», которых пригласили есть только крыс, оказались куда более прожорливыми, чем крысы, и вскоре стали истинным бичом для всего живого на острове.

«ЛУНОХОД».

Лида Бабиченко,
Харьковская область

Наши обложки:

Неодолимо движение весны. Все ярче и ярче мартовское солнце. Темнеет, оседает снег, и вот уже пошла по тихим лесным рекам первая полая вода. Вода с полей.

Проступила сквозь снег зелень озимей. Зачернели пары, ожидая благодатного прикосновения плуга. Рачительный лес бережно хранит воду. Она поможет ему набраться жизненных соков. И тогда выбросят ветви в синеву неба нежные кисти весеннего наряда.

Главный редактор Виноградов А. А.

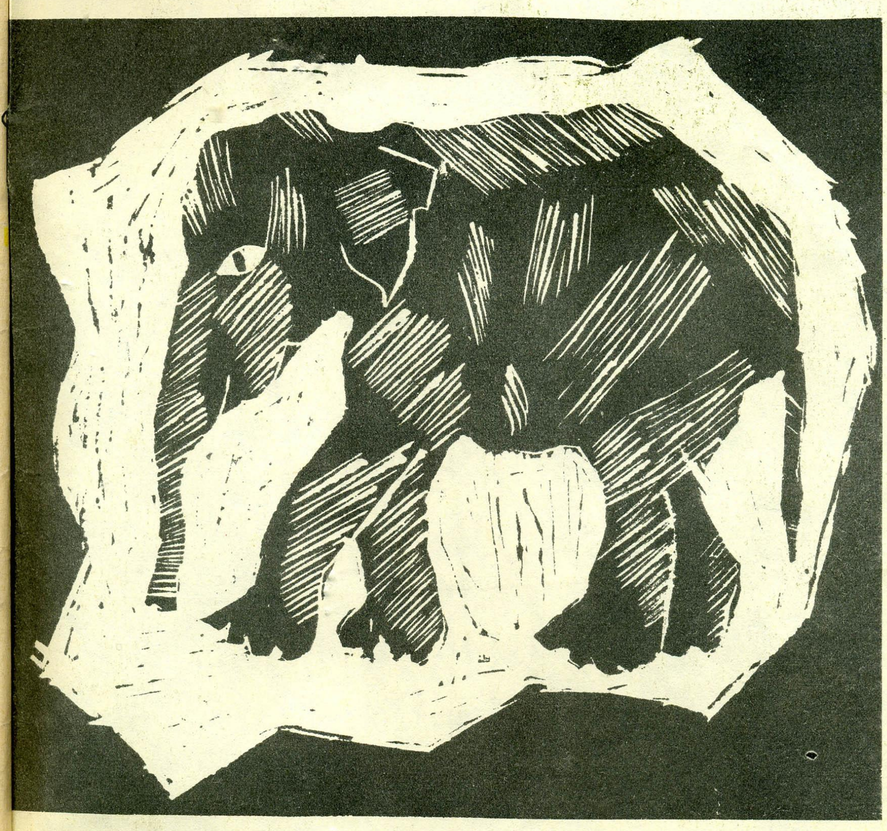
Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Гладков Н. А.

Художественный редактор **Тюрин А. А.**
Технический редактор **Михайловская Н. Ф.**

Сдано в набор 4/XI 1970 г. Подп. к печ. 1/II 1971 г. А01131. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 2761. Цена 20 коп.

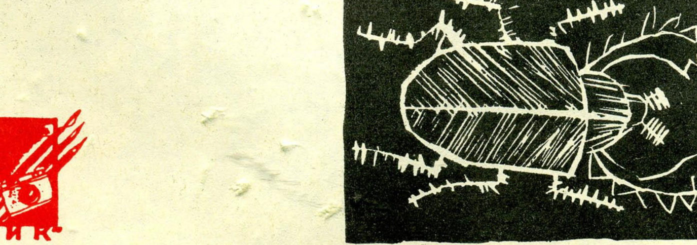
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

«СЛОН»

Володя Копылов
г. Волжский

«ЖУК»

Цена 20 коп.
Индекс 71121